

821.167.1
С 47.

Николай СЛЕПЦОВ

СТИХИ

*Мои поэтические
завихрения*

Библиотеке моего Огадыра в дар а автора
этой книги за ее привлекательность к чита-
ющему народу с любовью, признательностью
и надеждой, что огадыри простят своего
бессовестного земляка.

Слепцов

Николай СЛЕПЦОВ

13. 09. 2018.

821. 167. 1

С 47.

Мои поэтические завихрения

Караганда, 2018

Николай Андреевич СЛЕПЦОВ:
Мои поэтические завихрения,

ТОО «Издательский дом «Классик»

Караганда, 2018, стр. 172

Агадырский писатель Николай Слепцов по-прежнему верен себе. Точнее, он верен своему чувству творческого вдохновения, которое, по признанию самого автора, регулярно посещает его и днем, и даже ночью. Собственные поэтические порывы, души он не без иронии называет «завихрениями», однако, судя по рифмованным строчкам произведений, волнующие его вопросы вполне серьезны и довольно обстоятельны, давая читателю обильную и разнообразную пищу для размышлений.

О МОИХ ЗАВИХРЕНИЯХ

Выпустить книгу бессловесно, наверное, неприлично. Обычно делают это издатели и редакторы, только если автор книги достоин такого слова. Об известных писателях-поэтах делается это с удовольствием, а с таким, как я, наверняка задумываются. Ну кто я такой в прошлом и теперь? В прошлом пятнадцать лет слесарил деповские тепловозы и двадцать пять лет инженерия в отделе снабжения. В праведных трудах железной дороге отдано сорок лет, какая в первых числах 2000-го и выпроводила меня на «дембель». А на «дембеле» 7 марта уже 2017 года мне стукнула круглая восьмидесятка. Поседел и подумал: все-таки прожил я немало, а значит, что-то видел, что-то повидал, с кем-то встречался, у кого-то учился уму-разуму.

Новое время и новый век заставили посмотреть на себя, на свой пройденный путь, что-то в нем оценить, за что-то себя обвинить.

А сорок лет, отданные железной дороге, не прошли даром. Я научился у нее дисциплине, научился уважать любой труд и отдаваться ему всей душой. Железная дорога выпроводила меня и на «дембель», для нее я стал простым ветераном, какие у «железки» всегда ценились. Со многими ветеранами депо я даже сфотографирован и гляжу своей цветной физиономией в прихожем зале нашего центрального клуба.

Насчет же данного моего стихотворного сборника хочу заметить, что наверняка он будет последним. В мои годы ударяться в поэтическую сферу надо опасаться. Я наверняка не понимаю современный мир, как этот миг не понимает и меня. У молодых свои песни, свои стихи, свои мысли и свои мечты. Моему поколению, бывает, их не понять, как не понимают, возможно, они и мои стихи. Такое литературный процесс уже встречал. Нечто подобное происходит и сейчас.

Оценку моим книгам наверняка будет давать время. Лично я о них ничего существенного сказать не могу. О себе говорить вообще как-то даже неприлично. Главное, чего не скрою, я отдал им всего себя без остатка. Мне же, пока еще живому, о моих книгах никто не сказал ни одобрительного, ни осудительного слова. А Белинские в нашем обществе есть. Есть они в моем Агадыре, есть они в самой Караганде, где мои книги издаются. Наверное, когда я отброшу копыта, кто-то и осмелится замолвить обо мне что-то доброе. Такое в свете уже бывало. Но мы, друзья, давайте расстанемся на доброй ноте. Если вы прочтете меня сегодня, когда я еще среди вас, буду благодарен, а если еще и руку пожмете за эту книгу и за все остальные, то я наверняка тепло вашего пожатия даже унесу в свой последний путь.

С уважением к вам и преданный вам, автор

Ну, давай, дружок, ударим по стопашке,
А то что-то скука стала донимать.
Коли не звенит, я займу у Машки,
Какая за проценты любит всем давать.

И ничего, смотри, смотрится принцессой,
Кудряшки так и вьются и чернота бровей,
А все как лишь ведет торговые процессы
И, говорят, прописку сработала в Москве.

Зачем ей та Москва, я не понимаю,
Да живи ты барыней в нашей Астане!
Зачем Москва таких подружек принимает,
Иль ей бари-бери жить в какой стране?

Меня так, между прочим, дети приглашают
Прикатить на жительство на их крутой Алтай,
Говорят: дедуля, ты не помешаешь,
Рви скорее когти и срочно вылетай.

Ты думаешь, мне хочется возле них крутиться
И просто, между прочим, быть для них обузой?
Да я лучше дома буду жить, поститься,
Не наедая кверху старческое пузо.

У себя я пользуюсь квасом да лепешкой,
А то когда ударю кефирчика стаканы,
Бывает, развлекаюсь жареной картошкой,
На Алтае ж делать я того не стану.

Там так будут донимать жаркими котлетами,
Пловом да борщами с крупной масальгой,
Я давно не угощаюсь этими приветами,
И вообще не признаю я родственного ига.

Здесь живу я как хочу, сам себе хозяин,
Надо - так ударю сто и двести грамм,
Здесь я у себя так Валентин Кармазин,
А там я буду просто Ванька тра-ра-рам.

Ну кому там нужен какой-то казахстанец,
Прибывший с далекой чужой Караганды?
Он так и остался безвестный иностранец,
Который не сбивает пушистой бороды.

А на Алтае люди это не приветствуют,
Им обыкновенный нужен старикан,
Который за свое лицо костюм ответствует
И не собирается заглянуть в стакан.

На Алтае пьющих и своих хватает,
По которым плачет местный вытрезвитель,
Пьющего хватают, а он рвет присядку,
Вот и догадайся, кто здесь обвинитель.

Так что, друг, давай ударим по ромашке,
А то мысли всякие дурные донимают.
На пузырь, конечно, разорилась Машка,
Ну а там ей боги пусть счастья посылают.

Агадырь, 18.09.2017 г.

Вот блуждаю я по своему поселку,
Гляжу на палисадники и на их дома,
У каких есть кучи шифера, осколки,
Они никак не сводят хозяина с ума.

А чего сводить, коль хозяин строится?
Хибару он возвел в крутую двухэтажку.
Прохожий так пройдет и мысленно помолится -
Наверно, вновь торгуют водочкой да бражкой.

На деле здесь торговли сроду не бывало,
Здесь живет простая шумная семья,
Какая отвергает выпивку и сало,
Здесь как-то побывали журналист и я.

Дом, конечно, смотрится как дворец столичный,
Поскольку у хозяина шестеро детей,
Одни так успевают в школе на «отлично»,
Другие ткут науку из городских сетей.

Сети институтские - непростое дело,
Учишься, вникаешь, так прежде заплати!
А заплатил - в науку проникайся смело,
С ней по жизни сможешь с гордостью идти.

Ну, а отец-хозяин пусть думает о средствах,
Где их на учебу детям доставать,
О них он и не думал - дети были в детстве,
Теперь же надо только без усталости пахать.

Что уж тут поделаешь? Время изменилось,
СССР распался, родился СНГ,
Такое в белом свете отродясь не снилось
Ни в одной горячей и здоровой голове.

Что ж, теперь живи, как жизнь того диктует,
Принимай, что выдают жизнь и судьба,
А там и покумекай, что в народе будет -
Дружба, разобщенность, ненависть, борьба?

Жизнь такие штуки уже повидала,
Нам лишь остается что-то выбирать,
Она-таки лишь дружбу меж людьми искала,
Ей ненавистны войны и воинская рать.

Агадырь, 18.09.2017 г.

О моей Гульчатай

Я рад, что у меня есть женка Гульчатай,
С какой мы шестьдесят прошагали весен.
Я ее всегда девчонкою считал,
Так к ней обращаться лишь сегодня бросил.

Сегодня я сказал: «Ты женушка моя,
Ты мой и советчик, и редактор строгий,
Мы с тобой давнишняя добрая семья,
Какая столько лет идет одной дорогой».

А в дороге этой - наша детвора,
Наша добродетель и воспоминанья
О делах бывалых нынче и вчера
И о том, что внуки ходят на свиданья.

И у нас свиданья с Гульчатай бывали,
Когда нам только было по семнадцать лет,
На свиданьях этих время забывали,
Поцелуя первый разгадав секрет.

А у жизни были и свои заботы:
Она влюбленных всех сводила и сближала,
Она вела свою нелегкую работу,
Влюбленных так встречала, влюбляла, провожала.

А дальше они сами по жизни разбирались,
Устраивали жизнь и детей рожали,
Полнить жизнь счастьем, как всегда, старались
И первых малолеток в школу провожали.

Ну, а там, как водится, набегали годы,
Какие докатили до «дембельского» срока,
У «дембеля» ж своя особая порода,
Где есть отдохновенье, а где есть и пороки.

Не хочется, как прежде, с зарею просыпаться
И умываться утренней капельной росой,
А потом с прохладой и небом обниматься
И идти по утренней по росе босой.

На «дембеле» ж своя привычная картина:
Женское искусство, к нему - крепкий чай,
А потом роман, прочтенный вполовину,
Который подвернулся случайно, невзначай.

Так «дембельская» жизнь без пороков катится,
Вот и накатала мне восемьдесят лет,
Женка, как бывало, теперь ко мне не ластится
И не говорит утрами: «Привет, дружок, привет!»

Я на ее молчание совсем не обижаюсь,
На своем диване у телека сижу,
Бывает, писаниной, стихами занимаюсь,
А то какой-то фильм без устали гляжу.

Так вот наша жизнь по «дембелю» проходит,
Нынче ей и вовсе ровно двадцать лет,
Она нас по поселку, по магазинам водит,
Где встречные друзья говорят: «Привет!»

Приветствия мы с женкой, конечно, принимаем,
А дома так от деток без устали звонки,
Мы их не всегда по-свойски понимаем,
Какие говорят: «Вы наши старики!»

С детками так больше Гульчатай глаголет,
А я их лишь внимаю и слушаю жену,
Она с детьми особую ритмику находит
И даже признает свою какую-то вину.

Я так остаюсь пришей да пристебаем,
А телефон для женки - что для рыб вода,
Гульчатай всех деток видит, понимает,
А я не понимал их вчера и никогда.

А все как Гульчатай всегда с детьми общалась,
Тогда как я был больше сторонний наблюдатель,
Она с детьми умело дружила и общалась,
А я был непригодный отец и воспитатель.

Потому все внуки к Гульчатай и тянутся,
А я лишь остаюсь заботливый дед,
Они и по приезде близ бабули крутятся,
Какая им готовит изысканный обед.

Так что Гульчатай моей можно поклониться,
Она своим внучатам матери родней,
Она ради внуков готова всем молиться,
А внуки быть готовы и на небе с ней.

18.09.2017 г.

О ЗНАТНОМ ВЕДУЩЕМ

С «Пусть говорят» программы Малахова убрали,
А мы, простые зрители, так к нему привыкли...
То ль того большие власти пожелали,
То ль телевизионщики в его судьбу не вникли.

«Пусть говорят» и нынче на экране гонится,
Оставляя миру наезженный прогресс,
Зритель к передаче и сегодня клонится,
Поскольку в ней находит явный интерес.

Как бы телевласти своих не тасовали,
Зрителям потребна эта передача,
Какие б обвиненья Андрею не бросали,
К нему всегда бежали успехи и удача.

Умел Малахов каждый раз со студией общаться,
С участниками встречи, с разными людьми,
Он мог и вне студии с героями встречаться,
А это так непросто в сегодняшние дни.

Как там передача не будет продолжаться?
Зритель ее любит, он просто к ней привык.
Важно б передаче в программе удержаться,
Хотя, как замечают, успех намного сник.

У зрителя, конечно, сработала привычка,
От какой непросто умчаться, отойти.
Чтоб от нее избавиться, нужна своя отмычка,
Какую, между прочим, нелегко найти.

Давайте жить, друзья, как и прежде жили,
«Пусть говорят» не будем делать хакакири,
Мы ее всегда по-своему любили,
И теперь она не станет людям гирей.

18.09.2017 г.

ТРАГИЧЕСКАЯ НОТА

Гляжу сейчас на белый свет и просто удивляюсь:
Какие нынче люди отпетые пошли!
Их понять характер, повадки собираюсь,
Но они их держат среди звезд вдали.

Канал телевизионный серьезно, откровенно
Сказал на всю Европу: двух детей нашли.
Весть тут же разлетелась по стране мгновенно...
Так это где случилось - рядом иль вдали?

Чтобы не тянуть из вестей резину,
Телек откровенно людям пояснил:
Деток затолкали в обычную корзину,
Бросив в холодильник, какой в квартире был.

Ну, а что же делали сих детей родители?
А их след из дома так давно пропал.
То ли они были праздные воители,
Только полицейский люд на их след напал.

Беглецов, конечно, тут же отыскали
И к деткам в холодильнике конвоем привели.
Родители без всякого свою вину признали:
От их плача детского спать крепко не могли.

Плач их раздражал и не давал покоя,
А им хотелось сладко, блаженно отдыхать.
Решили: деток надо смертью успокоить,
И пусть они забудут, что есть отец и мать.

С мыслями такими деток умертвили,
Потом их холодильник мертвыми принял,
А в холодильник трупы в сумку положили,
Таким вот оказался преступный сей финал.

А дальше бег из дома в актюбинские дали,
Холодильник вырублен - зачем ему пахать?
Детки разложились, а запахи сказали,
Где эти трупики, в каком краю искать.

Полиция пришла, открыла холодильник,
А там два милых сосунка, живущих на руках.
Сработали опросы и городской мобильник,
Искать беглых нужно совсем не в облаках.

Беглецов нашли, дотошно расспросили,
Они не отпирались в действиях своих:
Шумных деток просто тихо задушили,
Места в холодильнике хватило на двоих...

Что делать с мамой-папой, пусть думает Фемида,
Она всегда была к людям справедлива,
Случай с ребятенками ждет своей корриды,
Их судьи пусть осудят за детские могилы.

Людей интересует: так где все это было?
Фемида отвечает: в далеком Актобе.
Все, что было, было, нынче просто сплыло,
Оставив людям горечь, а может, и тебе...

Горечь всем для памяти и для назиданья,
Чтоб подобных выходов стране не допускать,
Чтоб не приносить никому страдания
И чтоб свет не видывал таких отца и мать.

19.09.2017 г.

Говорила женка: «Нынче день воскресный,
Сентябрь завершает свой осенний ход.
Закрути мне пленку с кадышевской песней,
А там иди топай в свой старческий поход».

Закрутил я пленку, как жена просила,
От баянной песни я тоже ник и млел,
В песне той звучали любовь, судьба и сила,
И все, о чем влюбленный рассказать хотел.

У нас же с моей женкой бывали дни такие,
Когда при встрече в зиму замерзали ноги,
Но мы были молоды, по-своему лихие,
Нас не пугали зимы и снежные дороги.

А в весенний паводок мы все равно встречались,
Нас не страшила грязь и шумные ручьи,
Мы где-то на пригорках сладко целовались
И доверяли чувства и мечты свои.

Закончились они задуманным венчаньем,
Тихим пешеходом в ЗАГС наш деревенский,
Мы от этих штучек счастье получали -
Может, потому что был наш век советский.

19.09.2017 г.

МЫСЛИ

На «дембеле» ко мне подкатываются мысли:
Ну почему, Антоша, ты прежде не писал?
Мысли от безделья твои просто кисли,
Хотя ты карандаш свой задумчиво кусал.

А все как мысли всякие в голове крутились,
Желая появиться на твоём листке,
Они друг за другом стройно становились
И падали, как взрослые на речном песке.

А взрослые купались и тут же загорали,
Ах, какой у них беззаботный миг!
Так бы мои мысли во мне заиграли,
Тоже без заботы и жизненных интриг.

Но мысли почему-то на прошлый век давили,
На детство, первоклассье, на голод и паслен...
Меня они, конечно, никак не удивили,
Поскольку я был ими надолго пленен.

В детстве, вспоминая, был я в час обеденный
У батьки на коленях за праздничным столом.
Война уж началась и не была победной,
К нам тоже докатился её смертельный гром.

Война, как говорили, где-то бушевала,
Фашисты так оравой аж до Москвы дошли,
Но Россия все же ответный бой держала
И фашистов гробила при команде «Пли!»

При такой команде в бой рвались «Катюши»,
Какие все считали на своём пути,

Их залпам помогали Пети да Ванюши,
С какими можно было до Гитлера дойти,

И как ни есть дошли и знамя водрузили
На Рейхстаге ихнем - подобии Кремля,
Шею всем фашистам набок своротили,
Им не покорилась русская земля.

Победа над фашистами миру показала:
Российские границы - не ходи, не тронь!
Германия войну стихийно развязала,
От какой осталась лишь мировая вонь.

ЕСЕНИНСКИЕ МОТИВЫ

«Может, поздно, может, слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон Жуана,
Как заправский ветреный поэт».

Вот такое высказал Есенин,
Когда ему выпал голубой тридцатник.
Ну, а я скажу о себе без лени,
Что я хоть и невзрачный, но ему соратник.

Равнять себя в природе ни с кем я не желаю
И не хочу ни на кого хоть как-то да похож,
Стихи я для себя, для света сочиняю,
И то мне говорят: я как поэт негож.

19.09.2017 г.

Конечно, мне с Есениным равняться не годится,
Есенин - это классик, а я - простой поэт.
Бывает, мне и нынче со стихом не спится,
Но жилки свет-Есенина во мне и нынче нет.

Конечно, мне б хотелось в чем-то быть Есениным
И писать такие же, как у него, стихи.
Да, многие хотели бы походить на Ленина,
Но им прирожденные мешают их грехи.

Таких грехов во мне и теперь немало,
Но о них не стоит нынче говорить.
А вот я есть не стал ни лука и ни сала
И просто стал на «дембеле» пенсионером жить.

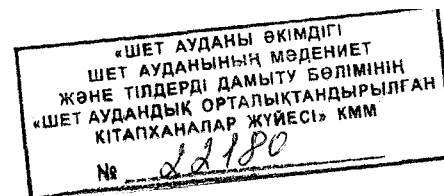
А меня на «дембеле» все ж донимает проза,
Донимают те же адские стихи,
Мне не угрожает старости угроза,
Я живу в условиях довольно неплохих.

У меня есть добрая дорогая женка,
С которой мы по жизни и теперь идем,
Нету нас по жизни репрессий, напряженки,
Посколь шестьдесят годочков одной семьей живем.

А перед Есениным я преклоню колени,
Я, как и он, такой же поэт и гармонист,
Я его стихи глотаю враз без лени
И читаю женке вслух как правдишный артист.

Как бы ни бывало, а жизнь пусть рассудит:
Хоть я и начинающий, но я-таки поэт?
Поскольку меня муза и ночами будит,
А это не иначе как ее секрет.

20.09.2017 г.

ЧИТАЯ ЕСЕНИНА

Вот опять Есенина листаю и читаю,
Ему было только-только тридцать лет,
А его Россия крепко почитала,
Потому как это был большой поэт.

Он мог любоваться небом, глухарями
И встречать с улыбкой предсветную зарю,
И пройтись задумчиво сонными полями,
Сказав стране любимой: «За все благодарю.

За свет луны, таинственный и длинный,
Где плачут вербы, шепчут тополя,
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие края».

На них взирая своим зорким оком,
Поэт уверен: всякого спроси,
И он скажет правду ненароком -
Хорошо живет на Руси.

И я люблюсь утренним рассветом
И умываюсь утренней росой,
А все как тоже зову себя поэтом,
Сидя у тополя раздетый и босой.

У нас с ним есть серьезные задумки
О человеческом сложном житии,
Когда и в нашем забытом переулке
Поэты тоже могут враз пройти.

Поэт Есенин прошел бы без утайки
И, может бы, свободно растянул тальянку,
Любуясь журавлиной в поднебесье стайкой,
Собравшейся на юг по-птичьему спозаранку.

Мог поэт, «прижавшись к изголовью»,
Разглядеть родимые края,
Какие он любил своей любовью,
Как своей люблю Отечество и я.

Мне дороги бескрайние сизые просторы,
Ковыльное приволье и голубая ширь,
О жизни повседневной людские разговоры,
Что их верным сердцем стал добрый Агадырь.

Есенин так России любимой поклонялся,
Она была дороже всех на свете стран,
А моей судьбой и родиной остался
Любимый, независимый, великий Казахстан.

27.09.2017 г.

Есенин говорил, что он мечтатель,
«Синь очей утративший во мгле»,
А о себе скажу, что я-таки писатель,
Заодно с другими на земле.

Конечно, на земле писателей немало,
И даже я в своем Агадыре,
Какой по-деревенски ест и лук, и сало
И даже рыбу жарит на костре.

А чего не жарить, коль клюет безбожно?
Видно, ей от голода сладок червячок,
Хоть без наживки на душе тревожно,
Тут и подсекает ее злой крючок.

Ну как себя называть, как не поэтом,
Когда на свет я десять книг родил?
Я и теперь шлю в «Классик» мои приветы -
Талант поэта пока я сохранил.

Хотя немолод я, но муза молодеет
И меня на свет показать спешит,
Она меня частенько то холодит, то греет
И стихами разными со мною же грешит.

А как, скажите, ей не подчиниться,
Как от нее в неизвестность убежать?
Она ведь еще пуще будет зреть и злиться,
А стихи заставит трижды умножать.

Такое, по поверью, у музы поведение -
Поэтов и писателей собою донимать,
Чтобы они ладили свои произведения
И могли читатели их у себя читать.

Музе я своей по жизни подчиняюсь,
Что она диктует, то я и пишу,
Может, оттого я и со светом знаюсь,
Что он часть видит творчества «лапшу».

Но в моей «лапше», говорят, бывает,
Проскальзывает истинно нашей жизни соль,
Она людскую жизнь никак не закрывает
И скажет, где есть правда и где людская боль.

Со своей «лапшою» и теперь я знаюсь,
По творческому полю и теперь иду.
Таков я есть поэт, о чем я и не каюсь,
Другого же поэта в себе я не найду.

20.09.2017 г.

И опять с Есениным нежданное свидание,
Пусть и неожиданно, а сердцу благодать.
А он захотел загадать желание,
Да не знаю, чего пожелать.

Желанья у поэта все равно крутились,
Поскольку ему было только тридцать лет.
Его друзьяки разные давно переженились,
А у него подруги и на примете нет.

«А чего желать под житейской ношею,
Проклиная свой удел и дом?»
Он хотел лишь девушку хорошую
Видеть под своим низеньким окном,

Чтобы она своими глазами васильковыми
Его грудь и сердце враз приворожила
«И своими чувствами и словами новыми»
Просто по-девичьи с собою закружила.

Да, учиться у Есенина поэзии непросто,
Я и себе хотел бы чего-то пожелать,
Чтоб меня не видели с кореженою тростью
И чтоб я разучился без усталы вставать,

Вставать в ночной тиши к ручке и тетрадам
И стихотворный ладить насупленный бедлам.
Мне все равно не выпадет никакой награды,
Но я им свое сердце все равно отдам.

У поэтов есть врожденная привычка
Себя и свое сердце людям отдавать,
Может, то и есть их души отмычка,
Какая не дает поэту горевать.

А как не горевать, когда война гремела
И на поле боя погибал солдат?
Вот тогда поэзия поэту душу грела,
И он становился солдату друг и брат.

Ну как того солдата не знать и не прославить?
Тут и должны явиться писатель и поэт,
Они как раз и будут солдата вечно славить,
Пути у них другого не было и нет.

20.09.2017 г.

О тальянке у поэта много разных строчек,
Какая говорила, что юность пролетела,
Нет у него жены, сыновей и дочек,
А стихи для мира - это лишь полдела.

Разве не полдела слышать плач тальянки,
У которой голос близкий и далекий,
Который раздается в ночь и спозаранку
Во дворе хавиры и в домах высоких?

У тальянки песня льется лиховая,
Так и тянет с нею под липой грустить.
Ах, где ты моя юность, юность золотая,
Как трудно без нее на белом свете жить!

Как тут ни крутись, а юность пролетела,
Она в далеки годы решала все задачи.
Тальянка свою песню и для меня пропела,
Вот «под чужую песню я смеюсь и плачу».

Так сказал Есенин и его тальянка,
А нынешнее время так слово то запело,
С голубым рассветом, в праздник спозаранку,
Где любовь теплилась и сердце просто пело.

21.09.2017 г.

Есенин как-то обратился к Шуре,
К своей незабвенной дорогой сестре,
Какая поклонялась брату и культуре
И сжигала ненависть на своем костре.

Он напомнил ей: на свете много кошек,
У каких своя особенная жизнь,
.Какие ловят мышек, а то и просто мошек,
Какие почему-то в доме завелись.

Ну, а кошка — это просто кот ученый,
Какой просто играет с бабкиным клубком,
Его бабка потчует творогом толченым,
Отчего он в радости крутился кувырком.

Так вот и бежали житейские недели...
Бабушка почила, ну а кот блуждал,
Бывало, он крутился у Шуриной постели
И своим мурлыканьем сонным досаждал.

Как бы жизнь Есениных и Шуру ни крутила,
Из кота дед Шуры просто шапку сшил,
Была она на деде пушистое светило,
Какое он до смерти лелеял и носил.

Нам лишь остается в память поклониться
Бабке, деду, Шуре и тому ж коту.
Поэту же Есенину готов я помолиться,
Память о поэте я и сегодня чту.

21.09.2017 г.

И опять Есенин говорит со мною,
Может, потому что я поэт?
Не хотел бы называть я разговор игрою,
Потому как здесь игры не было и нет.

А поэт мне сонно, тихо улыбнулся
И сказал, что хочет вспомнить жизнь свою,
Когда он в жизнь бродячую с тальянкой окунулся
И играл в притонах, где пляшут и поют.

А потом поэт в свои края вернулся,
Вспомнил деда, кошку и родную бабку,
Он стихом сердечным их памяти коснулся
И даже на могиле снял пред ними шапку.

Что ж, родные, не одна у вас судьба такая,
Все там будем как один, у жизни свой предел.
Пока же жизнь как-то людям потакает,
И тот, кто с нею за руку, тот могуч и смел.

Потому мы жизнь свою любить, как все, обязаны,
Пусть в ней даже будут разные пороки,
Мы должны быть к жизни временем привязаны
И быть всегда с ней рядом, не быть в ней одиноким.

О КОТАХ

У меня был тоже черный кот ученый,
Который и мурлыкал, и с клубком шалил,
Также любил «моню» и сырок толченный,
Также был он деду и бабушке мил.

Не знаю почему, но кот ко мне ластился,
Может, что ему я стихи читал?
Кот подружек-кошек часто сторонился,
Хотя душой кошачьей о них он все ж мечтал.

Я это ощущал по его движениям
И что кот был падок на мои стихи.
Кот часто вызывает мое удивление:
Я для него читаю, а как же для других?

Будут ли они меня внимать и слушать,
И как кот мурлыкать и смотреть в глаза?
Кот мой и сегодня дружбу не нарушил,
За что его погладил тридцать три раза.

Считаю, кот и правда у меня ученый,
Он шесть классов кончил - так внушка говорит,
Он не ест вареник, в молоке моченый,
И только жизнь кошачью для себя творит.

Наверное, дед Есенина с котом бы разобрался
И, конечно, шапку из него бы сшил,
А я на кота со стихом кидался,
И он, может, тоже моей музой жил.

Так мы и сегодня с моим Васькой вместе,
Вместе мы обедаем и слушаем стихи,
Васька по-кошачьи не сидит на месте,
А я стихи читаю, мне сердцу дорогих.

Кот, конечно, слушает и про себя мурлычет,
Знать, что-то понимает в творении моем,
А нас с котом хозяйка к обеду приглашает,
И мы к ней послушно нехотя идем.

А все как от стихов моих мы с котом расстались,
И, главное, на самом интересном месте,
Ну, там где парень с девушкой сладко целовались,
Поскольку они были жених и невеста.

Хотелось б мне котяре и его семейству
Нашу жизнь людскую в красках показать,
Какие в ней бывают задуманные действия,
От таких бывают отец, ребенок, мать.

С моим котом, бывало, втихаря беседовал
Известный путешественник Николай Дроздов.
Кот дядьку неизвестного по-своему обследовал,
С его рук сорвался и просто был таков.

Мне лишь оставалось сумерек дожждаться,
На диван взобраться и стихи читать.
Кот, как мне казалось, не стал в них разбираться,
Он, как мне казалось, на них мог наплевать.

Про себя кумекал: кот чем-то недоволен,
То ль его сторонний дядька не согрел?
С рук его хотелось убежать на волю,
Что и соизволил черный мой пострел.

Вечерами все же с котом мы уединяемся,
Он ластится, слушает мой стихотворный бред,
Потом встает с постели, лапкой умывается
И ждет, когда же кликнут его на обед.

Такого разгильдяйства дотошный дед Есенина
Уж точно не позволил бы и просто б не стерпел,
Дед бы взял кота, прижал бы на колени,
А там бы кот в предсмертьи только б захрипел.

Ну, а дальше знаем, что с котом случилось:
Дед сварганил шапку и в холода носил,
Дружбы у него с котом не получилось,
Посколь у деда не было на ту дружбу сил.

Ну, а я с котом и по сей день общаюсь,
Главное, он слушает моих стихов затравку.
Коту я говорю: «Дорогой, ручаюсь
Не читать стихов тебе рано спозаранку».

Хоть он меня и слушает, а все равно зевает,
Ну а как поступит читательский народ?
Он моих стихов пока еще не знает,
А прочтет, так скажет: тут явный недород!

Ну и что, что молодые где-то там целуются?
Это золотой их неподдельный век,
Когда в семнадцать лет семьи образуются
И на свет рождается новый человек.

А у поэта нашего этого не видно:
Молодые порознь по стране идут,
Они давно расстались, и им за то не стыдно,
Им любви дороже стали карьера, свет и труд.

22.09.2017 г.

Я что-то вспоминаю из старого житья,
Как вспоминал когда-то и Есенин,
Какой любил свои любимые края
И мчал туда заведомо без лени.

Его повстречала старая гармонь
И даже песня, какая не сложилась.
Гармонь просила: «Ты меня затронь,
В твоих руках я больше веселилась».

И поэт с тальянкой выходил на круг,
На каком шалил молодой народ,
Выходил и прежний закадычный друг,
Который без движения до костей продрог.

Ну, а гармонь в кругу на подвиг призывала,
В пляс пускались даже седые старики.
Да, гармонь селу жизнь свою давала,
А поэт так делал в поэзии рывки.

Вот такой один на белый свет родился,
Литературный мир его и подхватил.
Может, оттого и я в стихи влюбился
И конкретно ими страдал, болел и жил?

23.09.2017 г.

Отбрасывать копыта нам с женкой не сезон,
Хотя нам подскочило по восемьдесят лет,
Мы будем еще слушать, как поет Кобзон
И певцы другие вторят ему вослед.

Мы будем еще слушать Софию Ротару,
К ней подкатит шустрая, вертлявая Распутина,
Маршал и Дубцова так споют на пару,
А у смерти будем стоять мы на распутье.

Так что о копытах, женка, позабудем,
В жизни еще столько непознанных вещей!
Мы «Чудесами поля» любоваться будем
И внукам скажем сказку, где властвует Кашей.

А потом хотелось б знать, как воюет Басков
И какой он выбрал артистичный путь,
И в каких предстанет перед нами красках
Передача с именем «Дороги не забудь».

Коли таковой в мире не существует,
Так телевизионщики должны ее родить,
Она так непременно интересной будет,
Потому и предназначено ей долго-долго жить.

В передаче выступать будут кому надо -
Артисты, трактористы, ткачихи, шофера,
Пекари, колбасники, творцы всех шоколадов,
Какие людей кормят сегодня и вчера.

Им есть о своей жизни что рассказать народу,
Вспомнить, сколько ими пройдено дорог,
Как преодолевали они дерзкие невзгоды
И кто им стать героем на земле помог.

Конечно, они звезд с неба не хватают,
Но хорошей жизнью не обделены,
О чем-то необычном они не мечтают -
Есть у них квартиры, хозяйство и блины.

Прочие заслуги они трудом добьются,
Они миллионерами не желают быть,
Жизненные доблести пусть лишь трудом куются,
Ради них и надо работать, жить, любить.

23.09.2017 г.

Мне отчего-то вспомнился клен заледенелый,
Тот, что я когда-то в детстве посадил,
Он, как и у Есенина, под метелью белой
Стоял осиротевший и к себе манил.

А в летнее заутренье я сажу под кленом
И шепчу какие-то тихие слова,
Клен мне тоже что-то с кроною зеленой
Шепчет мадригалы мне - жизнь вовсе не нова.

Ну как тут не воспрянуть, когда гуляет лето
И под кроной клена задумчивый сажу,
Наугад бросаю в его листву монету
И на дивный тополь дружески гляжу.

Что он принесет мне по скончанью лета,
Может, я под кроной новый стих рожу?
Соберу их скопом и пошлю приветом
В «Классик» незабвенный, каким я дорожу.

Ему свои стихи я часто посылаю,
На этот раз не знаю, каков будет ответ.
Он, может, у себя спокойно прочитает
И резюме наложит: ты вовсе не поэт!

А я их как-никак сердцем принимаю,
Ну, а как читатель их примет у себя?
Он-таки поболее поэта понимает,
Что и заставляет мне пожалеть себя.

Нынешний читатель хорошо подкован,
Он нынешним поэтам даст сто очков вперед,
Он нынешнею музой объят и расцелован
И в корне отличает, где перец, а где мед.

Не знаю, что поведает мне «Классик» знаменитый,
Только я напомним - я все-таки поэт,
Жизненной подковкой я хорошо подкован,
Может, то и будет мой жизненный секрет.

23.09.2017 г.

МЫСЛИ О «НИВЕ»

Вот на этот раз с Есениным расстался,
Пусть он спит и видит свой родимый край,
Среди многих книг я не растерялся,
Мне женка говорит: «Бери да выбирай».

И выбрал я большого русского поэта,
Который в Казахстане с юношества жил,
Он сам не раз в стихах говорил об этом,
Посколь край казахстанский крепко полюбил.

Родился он в Кыштовке, что близ Новосибирска,
Там учился в школе, мужал, служил и рос,
А потом Акмолинск потянул неблизкий,
Вот туда и сделал он свой житейский кросс.

А после Акмола столицей обернулась
Нового целинного и степного края,
Целина и люди ото сна проснулись,
Сделать жизнь богаче и красивей желая.

А сибиряк кыштовский с целиной сдружился,
О ней много думал и писал о ней,
Потом у сибиряка журнал свой появился,
Став литературным и вторым в стране.

Журналу дали имя по задумке - «Нива»,
Она «Простору» стала доброю сестрой,
Она смотрелась издали эффектно и красиво,
Хотя совсем недавно она вступила в строй.

«Ниву» редактировал все тот же друг кыштовский,
Гундарев Владимир, он в нашей жил стране,
Он «Ниву» полюбил преданно, по-свойски,
О ней много думал и писал о ней.

Четверть века «Нива» по стране крутилась,
Каждого целинника видела в цвету,
На каждого целинника ответственность ложилась,
В целине он видел надежду и мечту.

Гундарев Владимир тоже зрел надежду
И подогревал ее собственным пером,
Он писал стихи душевные, как прежде,
А целина так стала его семья и дом.

Четверть века «Ника» целине служила,
А когда редактор в тишине почил,
По чьей-то воле «Нива» свои крыла сложила,
Сложила по приказу без всяческих причин.

Нет теперь в стране бывалой, доброй «Нивы»,
По чьей-то воле «Нива» просто умерла,
А в ней были люди, как целина, красивые,
«Нива» их любила, им и свет дала.

Нет теперь на свете «Нивы» благоверной,
Ей страна сварганила харакири жесткий,
Она литературе служила крепко, верно
И никогда не числилась лакомой конфеткой.

В ней народ печатался с пушкинской натурой,
К счастью, там печатался и денди агадырский,
Который не грешил творческой халтурой,
К «Ниве» подходил далеко и близко.

И теперь бы рад куда-нибудь пробиться,
Но любимой «Нивы» на свете больше нет,
Пишущим без «Нивы» хоть впору в гроб ложиться,
Ей был готов молиться читатель и поэт.

Теперь они лишь молятся памяти журнала,
И просят у страны: вернется ли к ним «Нива»?
Четверть века «Нива» жила да поживала,
И были все у «Нивы» свободны и красивы.

«Нивы» нет на свете целых аж три года,
И люди вопрошают: «Нива» возродится?
Она нужна читателям, она нужна народу,
Стране быть без журнала просто не годится.

Раньше так цари журналы закрывали,
У нас в Казахстане какие есть цари?
«Нива» не дожидаясь своей медали,
Какой ее читатель душевно наградил.

Да, не знает Гундарев, что журнал закрыли,
Он от возмущенья так из гроба б встал.
Какие силы «Ниве» шею своротили,
Когда она готовилась встать на пьедестал?

Сегодня мир читателей большого Казахстана
Просит у Правительства «Ниву» возродить,
Он еще сильнее любить «Ниву» станет
И будет пуще прежнего ей верить и любить.

24.09.2017 г.

ЛЮБОВНЫЕ МОТИВЫ

Поэт Есенин вспомнил, когда мать им пела,
Когда они с сестрою сидели на печи,
Песня - это просто, это часть их дела,
Главное, давали им с маком калачи...

Отчего-то вспомнились та же мать и куры,
Бродившие нахально в есенинском дворе,
Петух между ними делал шуры-муры,
Какое уподобилось завистливой игре.

А под окном стояла белая березка,
Ронявшая осенние листья на ветру.
Может, оттого и было сердцу жестко,
Что жизнь напоминала осеннюю пору.

А осенью, известно, и иней холодеет,
На траве понурой не блестит роса,
Солнечный зайчик скачет, а не греет,
Его только ловят детские глаза.

Поэт просит Шуру с братскою любовью:
«Спой мне песню нежную о бренностях любви!
Я пока наполнен есенинскою кровью
И готов влюбиться, ты только позови.

Я скажу, конечно, и приглашу тальянкой,
У нее бывают любовные басы.
Мы с тобой и с нею пойдем на гулянку
И досидим до первой утренней росы.

Ну, а дальше мы с тобой подойдем к березе
И вдвоем обнимем ее стройный стан...»
Жаль, что вновь придут российские морозы.
Эх, нам бы ту березу в наш южный Казахстан!

25.09.2017 г.

Читаю у Есенина: «Шуру», «Шуре», «Шуре»...
Ну, тут, без преувеличения, любовная игра!
Потом только усек: ишак ты бескультурный,
Ведь это его добрая любимая сестра.

Он спросил однажды: как там за куделью
Матушка, как прежде, поет иль не поет?
Он знает, их крыльцо багряною метелью,
Опавшею листвою, как было, занесет.

Он спрашивает также: жива ли их корова,
Какая столько лет кормилицей была?
Она всегда крутилась приветной и здоровой.
Ах, зачем же я, несчастный, уехал из села?

Пожалел поэт, что село покинул,
Там встречал он зори в вечер и спозаранку,
Видел, как сельчане сгребали листья с глиной,
А в праздное вечерье он забавлял тальянкой.

Село он и теперь родное вспоминает,
Хотя минул немалый юношеский срок,
Ему и нынче чудится, что песик его лает,
А на Шуре броскостью задумчивой сверкает
Ее красивый рязанский платок.

25.09.2017 г.

К своей тальянке звонкой Есенин обращался
И не раз доверчиво ей тихо говорил:
«Я давно с рязанцами родными не общался,
У меня не хватит на то рязанских сил».

Что ни говори, а юность пролетела,
Нынче не шумят березы и осина,
Ему что-то птица вещая пропела,
Хотя они с сестрою ее и не просили.

Он просил тальянку: пусть она поплачет
О минувшей юности, какая пролетела,
Ей чужая юность ничего не значит
И ей до просившего нет и грамма дела.

А песня у тальянки на свободу рвется,
Ну какой тут плач, ну какие грусти?
Песня у тальянки то плачет, то смеется,
Какие тут заботы у моей Маруси?

25.09.2017 г.

ЧИТАЯ ЕСЕНИНА

Было, у Есенина недавно прочитал,
Его стихотворение просто в душу влезло
Он в своей Рязани наездом лишь бывал
И брал там, что ему было враз полезно.

А дома бабка милая крутилась у стола,
Готовила обеды и цыплят кормила,

Она в своей Рязани сроду не была,
Она лишь Константиново преданно любила.

Смотрю я на тот свет и на ту же бабу,
Которой так давно на белом свете нет,
Какая привечала цыпляток и собаку
И какую все же так любит поэт.

Своей любимой бабке и своему дедуле,
Который из котяры себе шапку сшил,
Бабка так крутилась по дому на ходулях,
А дед так еще сети рыбацкие крутил.

Конечно, дед соперничал с внуком на рыбалке,
Каждый так старался другого обхитрить,
Для рыбалки на реке ничего не жалко,
Не жалко даже денежки за рыбу заплатить.

Дедовой рыбалке я не научился,
Научился лишь нанизывать живого червяка,
А для женки у мужиков я купить решился
Сумку карасей, щук и чебака.

Женка тем богатством по-своему расправилась:
Что-то жарила, варила, а что-то посолила,
Ей возиться с рыбой откровенно нравилось,
В ней была какая-то божественная сила.

Ее запасы рыбные мы уничтожали,
И я вновь готовился с леской на реку,
Где те же мужики свой престиж держали,
А я лишь к их пристанищу свой велик волоку.

Забрасываю леску, а рыба не клюется,
Она на мой крючок ноль и два внимания,

А у мужиков по-прежнему рыба в сети рвется,
А мне лишь остается ждать у них собрания.

Дождался их собрания, и с покупкой сладили,
Откуда старушенции знать рыбацкий мир?
Она уху отменную с рыбы той сварганила,
А у нее остался я верный ей кумир.

26.09. 2017 г.

Я прочитал у Есенина строки,
Из каких одна просто запала:
Он не раз в край родной, но далекий
Уезжал с городского вокзала.

Что он видел в вагонном окошке?
Просто тихий задумчивый лес,
Ему часто грустилось немножко -
Лес не иначе поле чудес.

На опушке шушукались сосны,
Пригорюнились девушки-ели,
Распустив свои дивные косы,
Чтобы люди, любуясь, глядели.

А я ведь тоже бывал на вокзале
И не раз в край любимый катил,
Но мне в память ничто не запало -
Я свой край и без леса любил.

Я любил за вагоном безбрежье
И степную ковыльную ширь,

Когда поезд прохладу лишь режет
И въезжает в мой дом, в Агадырь.

А с вокзала люблюсь я улицей,
По которой до дому иду,
Дома женка подносит мне курицу,
А другого я блюда не жду.

В мои годы, твердит медицина,
Надо жирных котлет избегать
И, чтоб вновь сохранять свои силы,
Надо больше ходить и шагать.

В мою круглую восьмидесятку
Надо чаще и дальше ходить,
Делать утром разминку, зарядку,
Жизнь которые смогут продлить.

Я подобный режим соблюдаю
И не знаю, чего он мне даст,
Только ведомо, твердо я знаю:
Он меня никогда не предаст.

26.09.2017 г.

О ЕСЕНИНСКОЙ ГРУСТИ

И вновь в руках моих есенинские книги,
Они мне по душе более из всех.
Может, в них поболее жизненной интриги,
Какие так и давят на книжный свой успех.

Мне и правда ближе есенинские строки,
Может, потому что я от них далек?
Ведь Сергей Есенин от меня далекий,
А вот все ж дает какой-то мне урок.

Ну, вот он пишет: «Пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь».

Я тоже вижу пашни без конца и края,
И поля, и степи моей стороны,
В моем краю природа богатая такая,
Где края степные просто не видны.

Поля, луга и пашни в моем милом крае,
Правда, не имеют начала и конца,
Над ними в поднебесье свет луны играет,
Достойный восхищенья поэта-мудреца.

Зачем же мне грустить коломенскою грустью,
Когда меня объемлет мой Карагандинский край,
Где на своей делянке я секу капусту,
А женка выпекает румяный каравай?

Здесь я каждый раз рассветами люблюсь,
Встречая предрассветную в синеве зарю,
Ширь я обнимаю в рассвете голубую,
За что Карагандинский край душой благодарю.

Есенину ж спасибо за творческие мысли,
Читая его строки, я остаюсь в строю,
Без его дерзаний я б непременно скиснул
И не писал бы сердцем поэзию мою.

26.09.2017 г.

Читаю я поэтов разных,
Их уму учусь,
Ну, а мой стих - безобразный,
Им вот и займусь.

Есенин что-то о прическе
Писал и о груди,
Писал открыто, без заноски -
Что ждет нас впереди?

Поэта ждали его книги,
Всяческий успех,
Где-то разные интриги
Без чувств и без утех.

Любил он невкие просторы,
По ним не раз ходил,
Гостиницу «Асторию»
Он тоже полюбил.

В ней себя он чувствовал
Очень хорошо,
В этой же «Астории»
И смерть свою нашел.

История так белу свету
Говорит с мольбой,
Поэт просто не заметил,
Как он шел на бой.

Шел на бой с самим собой
И с своей судьбой...
Не хотел бы, поэт мой,
Я быть в миру тобой.

МЫСЛИ МОИ, МЫСЛИ...

Было у Есенина: «Алый цвет зари...»,
Плакали и иволги, схоронясь в дупло.
Только мысль моя о том не говорит,
А от этих слов мне на душе светло.

Часто над стихом своим вдумчиво гадаю:
Ну почему и мне об этом так же не сказать?
Выходит, я словами просто так играю,
Стараясь их задумчиво по-своему спрягать.

Было где-то у меня: тело и душа
Часто воле Божьей непослушны,
Меня они порадовать и вовсе не спешат,
Посколь к житейским благам просто равнодушны.

А мои мысли нынче точно набекрень,
Они просто сдвинуты годами,
И блуждать мне стало просто лень,
Хотя и не страдаю болезнью иль ногами.

Когда ходил, я видел разных птиц,
Ими и зарею я не любовался,
Встречаю и красивых молодых девиц,
Но просто равнодушным к их судьбе остался.

А все как нет во мне есенинского духа
И ничего есенинского нет,
Мои стихи не услаждают уха,
А все как я бездарственный поэт.

Хотелось бы и мне сказать, что лес застыл без шума
И сосны натянули на себя темный свой платок,
Так сказать стихом я лишь теперь подумал,
Есенин мне преподнесет и не такой урок.

Он меня наверняка видеть свет научит,
Научит видеть журавлей и слушать соловья,
Пока же моя старая муза меня мучит,
Ей я подчиняюсь, мой стих и мысль моя.

27.09.2017 г.

Быть поэтом, говорил Есенин,
Это значит жизнь не нарушать,
Жить с людьми без зависти и лени
И стараться правду воскрешать.

Человек - природное создание,
У него есть сердце и народный дух,
Какие к себе требуют вниманья
И чтобы свет к ним никогда не тух.

Надо, чтобы человек не замыкался
И был постоянно на виду,
Чтоб он без вниманья не остался
И с людьми со всеми был в ладу.

А еще поэт испокон обязан
Человеку преданно служить,
Он просто должен быть к нему привязан,
Его мечтою и судьбою жить.

А еще поэт обязан быть
В гуще всех свершений и забот,
Свой народ и родину любить
И, если жизнь на службу позовет,
Первым быть и идти вперед.

27.09.2017 г.

Лектор наш столичный и в Агадырь пробился
И о счастье сделал чувственный доклад,
Народ его приветствовал, но и удивился -
Не каждый чужому счастьем бывает в душе рад.

Мы с детства точно помним осенние стихи,
Поскольку они были очень неплохи:
«Осень наступила, высохли цветы,
И глядят уныло голые кусты».

Вот и к нам пробилась осень золотая,
Женка удивилась - она теперь другая,
Солнце не гуляет и совсем не греет,
Ветры пыль гоняют и трава сереет.

Тучи рвут и мечут мелкие дожди,
Какие гасят вечер, свидания не жди.
А сельчане наши по-своему живут,
Где-то что-то пашут, где-то что-то жнут.

Убрана картошка, засолен помидор,
Дворовая дорожка шагнула через двор.

Хозяева в сараях смотрят на дрова -
Дотошно выбирали за цену слова.

Теперь остался уголь - зима уже стучится,
Без него жить туго, он всегда сгодится.
Как бы злая осень собою ни пугала,
Моя «буржуйка» в доме уже запылала.

Вижу дым осенний и у других хозяев,
Смотрит месяц на людей, рот слегка раззявив.
Нет, людей земли сегодня ничем не запугать,
А осень для кого-то и вовсе будто мать.

Она осенний огурец заботливо засолит
И большой капустный лист у ведра мусолит,
А к столу преподнесет осеннюю картошку,
Какую уплетает даже Машка-кошка.

А салат осенний - пальчики оближешь,
Ничего, что осень с неба дождик нижеет,
Как бы она многих ни кутала в одежды,
У людей остались вера и надежда.

Вера, что народ земной с осенью сроднится,
Какая где-то с декабрем в пути и обручится,
Ну, а там придут зима, метели и морозы,
Пригорюнятся сосна, ели и березы.

Снежные метели закружат порошей,
А хозяин у себя согреет чай хороший,
Так что человека и зиме не запугать,
Он с ней может под руку до весны шагать.

Весна ж своей загадкою порадовать горазда,
Заодно определит, где ложь была, где правда,

Как повышенный народ обогревал селение,
Из какого кое-кто был в недоумении.

У кого-то батареи теплотой дышали,
А у кого-то холодом делать жизнь мешали,
Потому как где-то прохудилась трасса,
От которой пострадала лишь людская масса.

А народ у нас такой - вовсе не невежда,
Он и к трассе, и к властям не терял надежды,
Он и нынче, и всегда надежды не теряет,
Потому как верил им и нынче доверяет.

А доверие людей сплачивает души,
Недоверие же эту дружбу просто душит.
Потому у нас, друзья, дружба не кончается,
Потому как меж людьми любовью называется.

Любовь народа к власти, а от властей к народу -
Такая должна быть у людей природа.
Может, то и отвлечет от людей ненастья
И собою принесет им мир, здоровье, счастье.

28.09.2017 г.

СЕСТРЕ

Мы столько лет с тобою, сестра, не встречались,
А все как ты от нас далеко живешь,
Раньше мы хоть как-нибудь письмами бросались,
А нынче на аферу то сроду не пойдешь.

А все как мы читать-писать вроде разучились,
Нас сковал и сковывает живой Интернет,

Мы теперь повсюду ему подчинились,
Лучшего нам друга в природе вроде нет.

Семнадцать лет одна ты в городской квартире,
В доме газ, холодная, горячая вода,
Но одиночество всегда не признавалось в мире,
Оно не признается теперь и никогда.

Так что мы, сестренка, тебя понимаем,
И мы понимаем - ты рвешься в Астану.
Как ты с этим сладишь, мы пока не знаем,
Но ты видишь отчий край и свою страну.

Рвение твое, сестра, к твоим родным пробиться
Мы сообщая приветствуем сердцем и душой,
Не ведаем, как будешь ты у себя крутиться,
Но хотелось, чтоб отъезд свой сдала на «хорошо».

Знаю, по отъезду трудностей так море,
Прежде тебе надо с квартирой распрощаться.
Толкнуть квартиру в городе - ну просто смех и горе,
С чем всем уезжающим приходится встречаться.

Но мы в тебя верим, ты бабка боевая,
Недаром ты женою военного была,
Ты так и осталась смелая такая,
Выправка военный дух и тебе дала.

Сестра, вот нынче властвуют телефон, планшеты,
Всякие большие и малые мобильники,
Раньше мы не ведали об изобретеньях этих,
Как не знал век Пушкина о нашем холодильнике.

По телефону ты мне каждый раз сообщаем,
Что скучно и заброшенно в своей стране живешь,

Ты уже давно в свой Казахстан желаешь,
Где, ты веришь, точно счастье найдешь.

А потому как ты там родилась когда-то,
Училась и работала, и замужем была,
Но жизнь и на дыры ставила заплата,
Что-то отбирала, что-то и дала.

Смолоду ты в Жалтыре на станции работала,
Была железнодорожницей, вагонником была,
Но молодость и жизнь по-своему сработали,
Ты в Акмолу тогдашнюю взяла и отбыла.

В городе работала, выросла и училась,
А потом к тебе какой-то военный подошел,
Вот так ты в него нечаянно влюбилась,
Какой тебя по жизни с собою и повел.

Воинская служба везде его бросала,
Служил он в Акмоле, в Воронеже потом,
Служба СССРовская дело свое знала,
Она не понукала палкой иль кнутом.

Она закон страны крепко соблюдала:
Обязан служить Родине, так службу и отдай,
А за службу верную медали раздавала,
Получил ее и твой Егорыч и в свой уехал край.

В Воронеже ему и «дембель» подвернулся,
Какой позвал на родину, в город Чебоксары,
От своей Чувашии он не отвернулся,
И вы туда умчались, как и всюду, парой.

«Дембельская» жизнь у мужа продолжалась,
А после тебя тоже пенсия достала,

Ты своим хозяйством в доме упражнялась,
В хоре ветеранском часто выступала.

Так шли ваши годы, жизнь продолжалась,
В доме был достаток и вечный тихий мир,
Ты была хозяйкой, порядком умилялась,
Ну, а Егорыч твой и вовсе был кумир.

Ну, а мы, родные, твой дом навещали,
Бывали брат с супругой, бывали Ваня, я,
Мы любовались в городе столичными вещами,
Так что у тебя гостила вся наша семья.

Побывали Ваня, Толик и Альбина,
Ну, а я и вовсе много раз бывал,
Ты, сестра, нас всех истинно любила,
А твой муж и вовсе нам душу отдавал.

Ну, а годы все-таки мчались, шли, летели,
Вот уже промчалось аж семнадцать лет,
Когда души-Егорыча нет в твоей постели,
Все семнадцать лет его на белом свете нет.

Он ушел из жизни тихо и без боли,
Может, у военных так и должно быть?
Только ты, сестра, осталась в его воле,
И никак не можешь и теперь забыть.

И вот столько лет ты одна у Бога,
И в дивных Чебоксарах ты совсем одна,
Тебя никто, как прежде, не встречает у порога,
И будущность твоя, сестра, нам просто не видна.

Но мы почему-то на судьбу надеемся
И думаем, что жизнь тебя не предаст,

Ведь говорят в народе: все как-то перемелется,
И жизнь тебе веру и надежду даст.

И снова будешь ты в нашем Казахстане,
И встретимся мы вместе в нашей Астане,
И жизнь полетится снова, как на телеэкране,
В нашей независимой и родной стране.

Что ж, сестра, свой опус к тебе я завершаю,
Думаю, что скоро мы встретимся с тобой,
Такое дело доброе всегда добром кончается,
Когда оно навеяно жизнью и судьбой.

28-29.09.2017 г.

И СНОВА СЕСТРЕ

Ну, сестра, с Есениным я свыкся,
Он писал сестре, и я пишу тебе,
Он сестру любил и будто ей молился,
А я так лишь молюсь о твоей судьбе.

Чтоб она была у тебя счастливой
И чтобы ты наконец с родней соединилась,
Чтобы ты обрела живительные силы,
Какими бы с роднею своею поделилась.

А близ тебя сегодня оба твои братья,
А главное, с тобою твой сынок родной,
На радостях пред ними ты меняешь платья
И покрываешь голову косынкой голубой.

Теперь, когда ты снова казахстанкой стала
И нашла приют у сына в Астане,
Все у тебя исполнилось, о чем давно мечтала,
Важно, что ты снова у себя в стране.

В стране, где родилась ты перед войною
И под стол ходила истинно пешком,
Я, как тебя старше, следил за тобою
И поил из кружки теплым молоком.

Ну, а дальше жизнь делала заскоки:
Переезд, работа, замуж, жизнь вдали,
Смерть мужа, жизнь в пространстве скучном, одиноком,
Вдали от тогдашней акмолинской земли.

А нынче у тебя земля та под ногами,
Земля теперь родной тебе новой Акмолы,
Целинный век пахал тут все плугом, сапогами,
Какие твоей памяти и теперь милы.

Мил остался и Жалтырь, где ты росла, училась,
Где ты на «железке» вагонницей была,
А после в Акмоле ты с друзьями очутилась,
Акмола тебе и мужа, и судьбу дала.

Они ж и увели тебя в воздушное пространство -
Воронеж, Чебоксары, такой далекий мир,
Они напоминали тебе другое царство,
Где твой муж Егорыч был явный командир.

Командиру принято извечно подчиняться,
И ты, конечно, в доме мужу подчинялась,
Ты никак не думала в миру одной остаться,
А вот судьбе угодно было - ты одна осталась.

Что ж, одна, без мужа... Жизнь такое знает,
Но с тобою братья, сын и прочая родня,
Время и мечтанья жить просто заставляют,
Как заставляют братья за перо меня.

Ты, сестра, не ведаешь, что брат твой с музой в дружбе,
Он на прозу давит, а где и на стихи,
Он в творческой деревне на хорошей службе,
Его заскоки в творчестве вовсе неплохи.

И все как его видят в издательском доме
И не позволяют таланту гнить в себе,
Он плывет по жизни, а не на пароме,
А жизнь и заставляет думать о тебе.

Я душою кланяюсь издательскому дому,
Он не даст таланту молча умереть,
Мы уж говорили о живом пароме -
Паром перевернется, а это точно смерть.

Так что, дорогая, милая сестренка,
Брат твой даже может растянуть гармонь,
А ты своим голосом голосистым, звонким
Запоешь, где песня говорит: не тронь!

Не тронь, друг разлюбезный, косы золотые
И от красы девичьей взгляды отведи,
Нынче времена вовсе не такие,
Нынче лишь гулянья да встречи впереди.

А они венчаньем вовсе не кончаются,
Они часто гаснут без боли и вниманья,
Так что, где случайные встречи начинаются,
Кончаются они не менее как горьким расставаньем.

Хорошо, что у тебя, сестра, жизнь возрождается,
Сын всегда с тобою и родня с тобой,
Надо все же верить, что так и получается,
Что на роду написано жизнью и судьбой.

29-30.09. 2017 г.

И НА ЭТОТ РАЗ СЕСТРЕ

Поверь, сестра, мне нравится беседовать с тобой
Без всяких там уверток и жизненных коллизий.
Все, что было нам начертано жизнью и судьбой,
Мы рассмотрели вдалеке и видели вблизи.

Как-никак, а жизнь свою я всю перетряхнул,
Вспомнил, где ты родилась, работала, училась,
Тебя я за язык, сестра, вовсе не тянул,
А как-то все само собой взяло да получилось.

Конечно, тебя можно в чем-то обвинить,
Ну, хотя бы в том, как замуж выходила,
Как лично приходилось в замужестве том жить
И как ты майора своего любила.

Армейского служаку судьба бросала всюду -
В Акмолу, Воронеж и даже в Чебоксары,
Тебе лишь оставалось паковать посуду
Да его любимую старинную гитару.

Так вот жизнь по-своему бежала и катилась,
А тут для мужа и тебя «дембель» подкатил,
На «дембеле» ты в хоре ветеранском очутилась,
Который своими песнями и радостями жил.

Он радовал зрителей разными конвертами.
А концерты - это же радость для души.
Хору присылали разные конверты,
Где в письмах говорились: вы очень хороши!

Ваши песни радуют и воспаляют,
В них жизненная верность и жизненная статья,
А нынешние песни лишь скуку нагоняют,
За что артистов надо бы лишь со сцены гнать.

Вы поете от души о яблоках и грушах,
В туманах пливших когда-то над рекой,
Песня допотопная, а приятно слушать,
Поскольку век сегодня вовсе не такой.

Нынче петь о яблоках даже бомж не станет,
Ему ближе песня, где «Налей!» поют,
А ведь этих яблок у нас в Казахстане
Чуть ли как не даром всюду продают.

У вас песня слышится: дай в руки мне гармонь,
У которой были золотые планки,
На эту песню время наложило бронь,
Какая не зовет на праздник и гулянки.

Да, сестра, сегодня век в чем-то да особенный,
Об этом даже песни как-то говорят,
Нынешние песни к веку приспособлены,
У них на современность свой особый взгляд.

Ну как друзья, не повторить, что со сцен поется,
Об этом кто-то говорит, а кто-то посмеется:
«Я иду, иду, иду, стану да подумаю,
У него четыре дуры, а я пята, думаю».

Не знаю уж, какая тут у людей загвоздка,
Только в наше время мы так петъ стесняемся,
В вашем, сестра, хоре есть своя походка,
Вы со старой песней будто обвенчались.

«На закате ходит парень возле дома моего,
Поморгает мне глазами и не скажет ничего...»

А дальше жизнь делала крутые повороты,
От каких, бывало, кружилась голова,
Влюбленный слал свои влюбленные приветы
И точками какие-то влюбленные слова.

«И кто его знает,
На что намекает...»

Год Петуха, сестра, тебе в целом принес счастье,
Он из краев российских привез в Астану,
Ты переборола всякие ненастья,
Возвратившись снова в Казахстан-страну.

Здесь проживают издавна твой сынок и братья,
У которых тоже жены, дети, внуки,
Конечно, как положено, должны быть снохи, сватья,
Какие не дадут тебе помирать от скуки.

Конечно, ты с родней своей гонять будешь чай,
Будешь временами родных всех навещать,
Они учтут и примут все старания твои
И будут знать: ты бабка, а сынку Валерию
Его родная мать.

Так что ты, сестра, не будешь одинокой,
Ты наконец забудешь, что жила вдали,
Для тебя теперь открылся мир широкий,
Сын и все родные тебе радость принесли.

И все ж, сестра, сегодня-завтра тебе стукнет восемь,
Жизнью навеянных восемьдесят лет...
Это значит, для тебя наступает осень,
У какой свои интимы и большой секрет.

Конечно, годы эти не слишком медом мазаны,
Ты испытала всякие житейские ненастья,
Годы после мужа сочла ты безобразными,
Они не обещали тебе живого счастья.

Но мы, твои родные, общими усилиями
Тебе проторили в жизни новый путь,
О том ты всю родню и Господа просила,
Теперь ты с пути этого не сможешь враз свернуть.

На пути на этом - ты и твои братья,
На этом же пути и твой добрый сын,
На пути на этом вся родня и сватья,
А сын так своей матери лишь счастья просил.

Где-то у нее оно и правда было,
Но счастье у человека не бывает вечно,
Оно и правда было, а после просто сплыло,
Когда Егорыч твой ушел в мир бесконечный.

Когда его не стало, жизнь сдвинулась с дороги
И пошла по кочкам и рытвинам земным,
Появились всякие несчастья и тревоги,
Какие гнались ветром жизненным, сквозным.

Одиночество твое надолго затянулось,
На семнадцать целых чебоксарских лет.
Тебе в год Петуха лишь счастье улыбнулось -
Ты вновь с семьей своею, какой и шлешь привет.

Главное, что ты в своем Казахстане,
Где ты родилась и твой начался век,
Казахстан тебя никак винить не станет,
Что его когда-то покинул человек.

Он знает, что с тобою жизнь распоряжалась,
А может, даже просто женская судьба,
Потому ты с Акмолой и родней рассталась,
Хотя в сердце жили надежда и борьба.

Надежда, что когда-нибудь ты в Казахстан вернешься,
Ведь в нем твои остались живительные корни,
С прошлой жизнью ты, сестра, и нынче остаешься,
Какие тебе помнятся, как утренние зори.

Ну, наконец, сестра, давай мы Астане поклонимся,
А больше твоей жизни и в ней твоей борьбе,
Ты идешь по жизни по проторенной поросли,
За что спасибо скажем твоей живой судьбе.

1-2.10.2017 г.

ПОЕЗДНЫЕ РАЗДУМЬЯ

Посидели с бабкой, чаи погоняли,
Даже речь толкнули о нашем житии,
Как бы между прочим себя пообвиняли,
Что не можем к детям себя привести.

Уже пять годочков у себя толчемся
И даже позабыли, где этот Алтай,
Дети так подумают, что над теньгой трясемся,
Как будто рвать нам когти надо аж в Китай.

А тут ехать сутки, может быть, с прицепом,
Желательно без всяких таможенных границ,
Мы все эти годы думали об этом,
А бабка так смахнула слезу с своих ресниц.

«Ты чего, бабулька, с горькими слезами?» -
«Так это просто жалость к нашей детворе.
Я их обзираю с мокрыми глазами,
Какие люди видят у нас во дворе».

Словом, мы решили на Алтай пробиться
В добрый год Собаки, то есть через год.
Для этого не надо нам таможен молиться,
Бросились на поезд - и алга, вперед!

Алга! Вперед! С бабулькой пять лет не бывали,
А это по истории так целый дивный век.
А все как поезда ненужные убрали,
И сделал это на земле «железный» человек.

«Железный» - это значило «железнодорожник»,
«Караганда - Новокузнецк» он поезд отменил,
Каждый казахстанец был поезду поклонник,
Поскольку этим поездом он на Алтай ходил.

Ход поезда народу был хорошо известен:
Караганда, столица, дивный Павлодар,
Потом шел край Алтайский, очень интересный,
Который открывался с названья Кулунда.

А дальше шли Ребриха, Барнаул стал ближе,
Где нас с бабкой дети часто и встречали,
После Барнаула через Обь пониже
Мы свою прописку в Укладке получали.

За весь ход до Алтая уходили сутки,
Теперь же на Алтай лишь за двое попадешь.
Власти железнодорожные, видать, думали желудком,
И думки эти стоят не более как грош.

В новом поезде так бегают только три вагона,
Бегут они из Караганды через Балхаш, Семей,
До барнаульского они докатятся перрона
Через двое суток... Нет беды сильней!

Неведомо, чем думал лихой железнодорожный,
Властный и высокий боевой народ,
Когда рождал он поезд, как говорят, трехножный,
Какому, хошь не хошь, а дали в жизни ход.

Вот оттого мы с бабкой и не ездим к детям,
Двое суток старикам - это же убийство!
Однако выход мы нашли - связь по Интернету,
Где все четко, ярко и довольно быстро.

А старый поезд из Караганды до краев алтайских
Никак не помешал бы нашему народу,
Как не мешают связи с провинцией китайской,
Не мешает ощущать ее блажь-природу.

Как видим, столько лет прошло, а поезда все нет
И, по вероятности, никогда не будет,
У железнодорожников, видеть, есть свой секрет,
Который в их анналах только и бытует.

2-3.10.2017 г.

ОБЕЗЬЯНЫИ РАДОСТИ

Женка как-то принесла обезьянью радость -
Банановую связку штук эдак из пяти.
Ты думаешь, продлят они молодость или старость?
От старости нам все равно с тобою не уйти.

Мы и так с тобою восьмерки разменяли,
Да, они с нулями, разве это мало?
Прежде мы о старости как-то не гадали,
Если всякий бешбармак, колбасу да сало.

Не думали, что будем от этого полнеть,
Поскольку белый свет так же и питался.
Может быть, от этого и стали мы стареть?
Но я в своих размерах и теперь остался.

А обезьянью радость есть никак не стал,
Женке говорю: «Сама и расправляйся!
Я бы их так пацанве во дворе раздал,
Каждый их бы ухватил и не растерялся».

Женка так и сделала, но все же один съела
И сказала: «Правда, вещь для обезьян!
Я бананы эти брать вовсе не хотела,
Но продавщица поняла - это мой изъян.

Посколь мы с ней подруги, взяла да попросила
В ее магазине сделать марафет,
У нее одной не хватит столько силы,
А вдвоем мы наведем здесь свой авторитет.

Я так помогала ей убраться в магазине,
Ворочала арбузы, огурцы да лук,

Таскала помидоры в ящиках, в корзинах,
Пока к ней не приехал ее близкий друг.

Видела, вдвоем им вместе веселее,
Потому я тут же с ними распрощалась.
В поселке их считают - жених и невеста,
А там кто их знает, что жизнь им обещала.

Так что мне бананы просто подарили,
Хотя и не хотела я подругу обижать,
А дети за бананы меня благодарили
И даже шли гурьбою до дома провожать».

3.10.2017 г.

ТВОРЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ

Вновь взяться за Есенина? Так поэт осудит,
Скажет: «Дорогой мой, ты рожай свое!
Твой век и твое время пусть с тобою будут,
Вот ты и описывай их жить-бытье».

Послушал я поэта и вспомнил свое время...
Да, я был мальчонкой, когда пришла война,
Батька так без всякого взял да подпоясался,
С семьей распрощался - тут не его вина.

Так и другие делали в нашем поселении,
Война так призывала всех мужчин подряд.
Тогда такое было в стране население,
Где каждый в дни тяжелые стране помочь был рад.

И помогал, чем мог - работой и учебой,
Кто мог держать оружие, так с ним рвался в бой,
Но военкоматы знали, где ставить свою пробу,
Навеянную жизнью, а то и самой судьбой.

Батьке моему судьба не улыбнулась:
На войне он вскорости и голову сложил.
К отцу и похоронке жалость вдруг проснулась,
С тех пор я эту жалость в память положил.

Теперь вот жалость эту и батьку вспоминаю,
Когда мне шибануло восемьдесят лет,
Себе так в наказанье стихи я сочиняю,
Какие отбираю и кладу в конверт.

С ними я хожу по своей квартире,
Что же ты, подлянки, не приходили раньше?
Они давят тяжестью, как весовые гири,
Они давят правдой, а не нажитой фальшью.

Как-никак, а я стихам робко подчиняюсь,
Они откуда-то и во сне рождаются,
Я хватаю карандаш и уединяюсь,
А утром так куплеты в тетради появляются.

Читаю эти строки - чем-то они дышат,
Дышат прошлой жизнью, а то и новизной,
Жизнь меня и нынче робко, но колышет,
Неуж она промчалась памятью сквозной?

Нет, я все же буду к жизни возвращаться
И что-то у нее и у судьбы просить.
Надо ли мне к их веку обращаться
И на карту жизни тот век и положить?

3.10.2017 г.

ГЕОМЕТРИЯ ЧУВСТВ

Мы с женой обсуждали, как мы познакомились.
Было нам в те годы по семнадцать лет,
В школе мы дружили, никогда не ссорились,
Претензий к нашим встречам не было и нет.

Хошь не хошь, а время по миру бежало,
Тут начались экзамены на зрелый аттестат,
Мы из себя влюбленных еще не изображали,
Но, кажется, готовили им жизненный мандат.

Наши одноклассники разбрелись по свету,
А мы со своими думками в депо на труд пошли.
Не знаю, как бы описали нашу жизнь поэты,
Но на попятную мы в жизни той не шли.

Раушан моя так в техникум воткнулась,
А я решил воткнуться в столичное КазГУ,
Она на заочке два года проучилась,
А я шесть лет заочки отложил в мозгу.

Свою геометрию жизнь-таки имела,
Она чертила катеты и гипотенузы.
Женитьба, мы считали, это лишь полдела,
А где жить-то будут влюбленные французы?

Они до Москвы с боями добрались,
Но им москвичи ход к жилью закрыли,
Так же и с Раушан моей мы чуть не подрались,
Поскольку на каких-то мы на задворках жили.

Ну, а когда у нас, друзья, мальчонка появился,
Тут я навыки житейства вовсю и проявил,

Пойти к начальству крупному никак не поленился,
Какой мне ордер на жилье взял и подарил.

Так вот со старушкой мы и живем в квартире,
Если по серьезному, то шестьдесят годков,
Живем мы в своем царстве, в своем житейском мире,
В мире боевых еще и шустрых стариков.

«Дембельские» люди, мы с женой поприметили,
За дружбу и общение готовы все отдать,
Они, как мы заметили, живые добродетели,
Внукам так являют собой отца и мать.

У «дембельского» люда и «дембельские» чувства,
Для общенья с миром у них свой порыв,
Какой своеобразием походит на искусство,
У какого своя мера и свой живой мотив.

Наши чувства с женкою мы все-таки скрывали
От мира постороннего и от простых людей,
Однако свою душу друг другу открывали,
А братству постороннему - никогда, нигде.

Зачем им ведать наши мечты да пожелания
На Черном море дивном в отпуск побывать,
Где с доброй отдыхающей и дружеской компанией
Вдоволь пообщаться и дом свой вспоминать.

А дом - так это люди, с кем живешь, общаешься,
Ходишь на работу, в магазин, в кино,
По делам житейским, бывает, обращаешься,
Свой народ и пришлый - никак не все равно.

О своих ты знаешь, как живут и дышат,
Что у них на сердце, ты чувствуешь душой

И желаешь, чтоб надежда их, мечты и пожелания
Свершились непременно в срок и хорошо.

Чувства человека уму не поддаются,
Они не подчиняются никаким наукам,
Чувства - это наши живые ощущения,
Без них человеку не житье, а мука.

Так что наши чувства и впрямь бьют на искусство,
Способное в народе согреть любую кровь,
Те же впечатления, те же ощущения
И ту же неотлучную вечную любовь.

Человек так чувствами видит свое окружение,
Живое окружение из живых людей.
Чувствами он ведает, какое положение:
Человек в довольстве или же в беде?

Так что своим чувствам должны мы поклоняться,
Как-то их воспитывать и как-то их беречь,
Не следует на всякие камни нарываться,
У каждого должна быть лишь собственная речь.

Пусть в ней будут только, только твои мысли,
Только геометрия чувственных страстей,
Какие в себя могут человека втиснуть
При его земной жизни и при жизни на кресте.

Своим друзьям из «Классика» я от души завидую
Самой белой завистью - я у них учусь.
А своими книгами по форме и по виду
Откровенно пред читателем я старчески горжусь.

4-5.10.2017 г.

Жизнь давала радости,
Она была в дозоре,
Хотел бы я на старости
Исполнить вальс в миноре.

А заодно и вспомнить годы,
Когда мне было двадцать,
И мы гурьбой на пароходы
Ходили наниматься.

Начальство нас встречало,
Давало наставленья:
В порту и на причале
Забудьте о курении!

А все как здесь товар бывал
Как есть огнеопасный,
Приказ как раз напоминал,
Что курить опасно.

К счастью, я и не курил,
И не пил спиртного,
По утрам встречал зарю
У берега крутого.

И теперь встаю в тиши,
Росою умываюсь,
А для бодрости души
В речке кувыркаюсь.

«Дембельский» мой век меня
Как-то согревает,
У меня моя семья
Мне лишь добра желает.

Мне она приносит
Чувственную радость
И, кажется, уносит
Мою седую старость.

Мне кажется, от этого
Я становлюсь моложе,
А заодно поэтом,
Что мне всего дороже.

5.10.2017 г.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАВИХРЕНИЯ

Нынче моей бабке шибануло восемь,
Самых округленных восемьдесят лет.
Для тебя, бабулька, наступила осень,
Какой сказать ты можешь: «Привет, сестра, привет!»

Чем тебя порадовать, моя дорогая,
И какой подарок тебе подарить?
Ты у меня по жизни лишь одна такая,
С какой так и хочется целый век прожить.

Без спору, мы свой век по существу прожили,
Все-таки мы вместе шестьдесят годков,
На карту нашей жизни что было положили
И вот теперь дожили до века стариков.

Как-никак, а время нас по жизни носит
Целых шесть десятков незабвенных лет,
Хошь не хошь, а время эту жизнь и косит
И кладет в обычный жизненный конверт.

В том конверте наша и другие жизни
Любого, но земного от века человека,
Время по любому справит из них тризну,
Посколь лишь вечен космос, а не человеки.

Конечно, дорогая, и мы с тобой не вечны,
Но, слава Богу, время, пока еще нас носит.
Время, как и жизнь, слишком скоротечны,
Они бег не убавят, хоть их сам Бог попросит.

Время, как мы видим, жизнь на Земле родило,
А это человеческий и животный мир,
Все, что отжило - исчезло, просто сгнило,
А что живет под солнцем, то делает свой мир.

Говорят, так жил и Пушкин в своем далеком веке,
Он любил свою Наталью больше, чем стихи,
Поэт был у себя в стране особым человеком,
Который видел разные в своей стране грехи.

Видел, чем Онегин в жизни занимался,
Он не смог Татьяну для себя сберечь,
Таким, как друг Грушницкий, он не оказался,
Он смог Татьяне закатить свою большую речь.

Пушкин был окутан множеством сетей,
Они шли от Дантеса и женкиной родни,
Однако он родил аж четверых детей,
Потомки их так жили даже в наши дни.

Моя же женка молвит: «Мне ничего не надо,
Мы шестьдесят годочков с тобой на виду,
Мы с тобой делали жизненну отраду,
Я и теперь с тобою по судьбе иду.

Дети наши выросли, своих детей родили,
А ты так никогда мне не изменял с другой,
Мы на зависть многим просто мирно жили
И со своей деревни не ступили и ногой.

Другие, как мы видим, воздух рассекают,
Из Агадыря рвут когти в разные края,
1де, как нынче принято, свой бизнес начинают,
У каких своя природа, да и жизнь своя.

Не знаю, как их личный быт, как жены их и дети,
Только я в чужом краю никак не ужилась бы,
Конечно, есть счастливчики на этом белом свете,
Которые и в зимний час едят свои грибы.

Говорят, они имеют личные теплицы,
Где у них так лишь банан не зреет, не растет,
А в гостях у них бывают из Нью-Йорка лица,
Какие им и делают торговый оборот.

Не знаю я всей этой торговой какофонии,
Только мне по нраву наш Агадырь, наш дом,
Не ведаю, какой там век в разных Калифорниях,
Только я весь бизнес их пустила бы на слом.

Ну скажите, ну зачем вся эта ерундистика?
Да сделайте торговлю, как были при Союзе,
Пусть бесится торговый люд и вся его статистика,
А мы будем брать себе, как было, аж от пуза!

Мы будем ладить с нашим милым государством
И посещать его торговые прилавки.
Зачем нам мировое торговое пространство?
Нам близки родные товары и поставки.

Так что, друг мой Абдрахман, мне не нужны подарки,
Мне важно, столько времени ты живешь со мной.
Были у нас годы темные и яркие,
Но ты успешно их пронес через весь наш путь земной».

6-7.10.2017 г.

О ЖИЗНИ

И все же меня мысли по бабке донимали:
Чего ей, старушенции, взять и подарить?
Цветы бы, но они в поселке не бывали,
Как-то умудрялись без них по жизни плыть.

Плыли молодые Ромео и Джульетта,
Плыли своим ходом дядьки, старики,
Где-то на собраниях об этом говорили,
Цветы ж те поглотили время и деньки.

Агадырцы почему-то в цветы не ударяются,
Видно, потому что с ними воз возни.
Торговцы, видя это, цветами занимаются
И набивают мошну, хоть до Москвы тyani.

Пришлось и мне сегодня на розы разориться,
Бабка удивилась, но цветы взяла:
«Ты просто заставляешь меня на них молиться,
Тогда как у меня важнее есть дела.

Хочу я к юбилею сделать торт отменный,
Чтоб гостей пришедших как-то удивить».
Подумал: как ни есть, а я муж примерный
И смог торт государственный для нее купить.

Бабка моя этот торт по-разному вертела,
Крутила так и эдак, вдоль и поперек.
Сказала: «Я б такое сделать не сумела,
Даже сам Всевышний мне бы не помог».

Конечно, меня женка душой благодарила,
Сказала, что я муж есть самый боевой,
Куда бы нас судьба по жизни ни носила,
Она всегда будет только лишь со мной.

Ну, а в наши годы, когда нам с тобой вместе
Стукнуло обоим сто шестьдесят годков,
Были мы когда-то жених и невеста,
А теперь мы вместе в команде стариков.

Нас так и называют - старик и старушенция,
Что ты тут поделаешь? Таков наш с женкой век.
И все же в мир пришли без всякой интервенции
Животные всех видов и с ними человек.

Ну, а человеки - это я и женка,
Это наши дети и весь шар земной,
А юбилей, друзья мои, это напряженка,
Можно согласиться с женкой и со мной.

Помню, как когда-то юбилей нагрянул:
Агадырю исполнилось семь десятков лет,
Срок тот давно в поднебесье канул,
О нем даже памяти у народа нет.

А были ведь собрания, а потом концерты,
Старикам так даже премии давали
В расписных пакетах и цветных конвертах,
А также с юбилеем поселка поздравляли.

Ну а как же! Они все-таки строили поселок,
Построили пекарню, магазин и клуб
И, чтобы взрослых не донимал ребенок,
Детский садик сдали для маленьких услуг.

А школу вообще строили всем миром:
Поселок возрождался и рождались дети,
Ценилась школа больше, чем дом или квартира,
А дети были вовсе дороже всех на свете.

Тому юбилею я и нынче шлю привет,
Я тоже что-то делал: в клубе выступал,
Тогда и мне исполнилось семь десятков лет,
Друзья мне говорили, что я - старик, я - шал.

А нынче в год семнадцатый все снова повторяется:
У поселка юбилей, и у меня он тоже,
Восьмидесятник вокруг нас жизненно вращается,
Чем-то и на прежний юбилей похожий.

На десяток целых лет мы с ним стали старше,
Поселок же по виду враз помолодел,
Он стал еще стройнее, опрятнее и краше,
А я сильнее сгорбился, сильнее поседел.

Что ж, люди нарождаются, стареют, умирают,
А города, поселки столетиями живут.
Жизнь же человека свое дело знает,
Она человечество к жизни понукает,
А люди свои годы пусть сами берегут.

7-8.10.2017 г.

ДЕПОВСКИЕ ДУМЫ

Смотрю я телефильмы сегодняшнего дня
Про всякие убийства, бизнес да любовь,
Где мужчины верность женам не хранят,
У них в жилах точно разбавленная кровь.

Разбавлена она водчонкой, коньяками,
А больше так разбавлена безумностью мужчин,
Какие впрямь охотятся за юбками, платками,
Не находя для этого истинных причин.

Что мне удивительно, их всюду принимают,
Им открывают двери и к себе ведут,
А после, как мальчишками, ими понукают
И кошельки их толстые у себя трясут.

Гляжу на них и правда крепко удивляюсь:
Ну, черт возьми, ну почему на меня все ноль?
С руками и ногами, зарядкой занимаюсь,
У женщин же я не был никогда король.

Когда мне было двадцать, девчонки обходили
Всякими кругами и тропками меня,
Они меня, по сути, просто не любили
И даже фотографии со мной не хранят.

В свои семнадцать-двадцать я тоже не блистал,
Девчонки свои глазки даже черту строили,
Отчего я просто по-мужски страдал:
Имел ли черт для них блистательный кристалл,
Серебряные серьги и золото тем более?

Не знал, черты какие девчонок привлекали,
Только я для них был просто трын-трава,
Девчонки свои лучшие платья одевали,
У меня без их вниманья кружилась голова.

В зеркало смотрелся - на черта не похожий,
Руки-ноги целы, хвоста и рога нет,
И совсем не страшная, не рябая рожа,
Какая походила и на Есенина портрет.

А мама замечала, что я-таки смазливый,
Каким когда-то был и мой родной отец,
На фотке он и вовсе как артист красивый,
Хотя он был всего лишь токарь и кузнец.

Не знаю, почему меня девчонки избегали.
«Здравствуй, - говорили, - здравствуй и прощай!»
Другие ж их за руки и талии хватали
И вели в кафешки на блины и чай.

Не знаю, как мне единственная женка подвернулась,
Когда мне шибануло двадцать с лишком лет.
Может, она после на жизнь огрызнулась
За то, что не сказала мне: «Прощай, дружок, привет!»

А к чему то делать, когда мы поженились,
Когда ее я истинной вожжей захохотал?
Может быть, от зятя родители бесились,
Только я женатым всерьез благоухал.

Так вот мы и жили, своих детей любили,
Теперь мы с моей женой аж шестьдесят годков!
По разным ресторанам сроду не ходили,
Домашний быт любили мы любовью стариков.

Теперь, когда мы с женкой в старческой упряжке
У телека за чаем время коротаем,
Иногда железнодорожную хватаю я фуражку,
И агадырский воздух с женкой рассекаем.

Иногда у женки своей интересуюсь:
Как мне удалость ее захомутать?
Сейчас ее морщинками и сединой люблюсь,
Притом она красивая, заботливая мать.

Ее любят дети, внуки правнуки,
Ну, а я и вовсе у нее в плену,
Мы не изучали разные науки
И меж собой никогда не вели войну.

Мы всю жизнь до «дембеля» трудились на дороге,
«Железка» нам и имя, и судьбу дала,
Она оберегала нас от жизненной тревоги,
У ней и нынче к нам различные дела.

Меня так просят написать о деповских мужчинах,
Какие воевали и с войны пришли,
Какие ордена, медали получили
И какое счастье в своем депо нашли.

Конечно, как положено, я упирался рогом,
Беседовал с вояками, какие еще жили,
Я просто их считал особенным народом,
Они ведь мразь фашистскую беспощадно били.

А война закончилась, солдаты форму сняли
И жизни строить начали свою и всей страны,
Трудовые отблески для одних сияли,
Другие просто жили и были не видны.

Ну, просто тихо-мирно делали работу,
Ну, просто тихо-мирно водили поезда,
Были у них личные и свои заботы,
Равнодушие к которым не жилось в них никогда.

А там, конечно время шло и поджимало,
А «дембель» так и вовсе со всех ног спешил,
Однако воевавших оставалось мало,
Но им свет двухтысячных оставался мил.

Наш край карагандинский им светил и радовал,
Депо же агадырское — их судьба и честь,
Только «дембель» как-то каждого досадовал,
Им знамя деповское хотелось тоже несть.

И мне хотелось тоже деповское знамя
Со всеми деповчанами по жизни пронести,
Когда-то у него были высь и пламя,
Но время заставляет тлеть его и говорит: «Прости!»

Нынче всюду частные ветры поддувают,
И депо тоже в частную влился колею,
Какое ничего о прошлых днях не знает,
Знает оно только колею свою.

Оно ни сном, ни духом ничего не знает
О тех, кому сегодня восемьдесят лет,
А они жизнь деповскую с любовью вспоминают,
Им памяти дороже той не было и нет.

8-9.10.2017 г.

ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ

Попала в руки тоненькая книжка
С двойным названием «Светлынь-река»,
По книжке делал шаги, подвижки,
Как будто шел по ней издалека.

Сорок лет назад книжка издавалась
В нашей тогда южной красавице-столице,
Я катил по книге, как какой-то князь,
И видел мне знакомые и дорогие лица.

Они знакомы были и моему поэту,
Которого я искренне и преданно любил,
Теперь уже поэта на белом свете нету,
Но о нем я память навечно сохранил.

Поэт Владимир Гундарев и меня читал,
Читал мои машинные листки-черновики,
При встрече с ним я про себя мечтал:
Наступят ли для них книжные деньки?

Поэт в моих бумагах делал свои правки,
Делал даже правки и в моем романе,
Я не разбирался в гундаревской давке,
А роман и вовсе был для меня в тумане.

С поэтом мы встречались раз иль два в году,
А вот уже в двенадцатом поэт покинул свет,
С подчеркнутыми страницами я и теперь иду,
Претензий к большой правке не было и нет.

Через год иль более вышла моя книжка,
Поэтическая проба моего пера,

Вслед за ней я сделал новые подвижки,
Отчего и вышел первый мой роман.

Пять лет живу я в свете каким-то новым духом,
Его мне неизменно Гундарев вложил,
Любовь моя к поэту и нынче не потухла -
Поэт литературой и стихами жил.

Теперь я и живу поэзией, стихами,
Живу литературой и творчеством живу,
Мои стихи в поселке нисколько не отдыхают,
Гундарев убрал из них сорную траву.

9.10.2017 г.

ГУНДАРЕВСКИЕ РАЗДУМЬЯ

Прочел я у поэта: «И вдруг поймешь, очистишься от полуды,
Простую прелесть уходящих дней,
Мы счастливы, когда идем мы к людям,
Мы счастливы, когда среди людей».

Прочел и тут же набросился на слово:
Полуда, кажись, от ржавчины спасает?
Для меня, пещерного, это слово ново,
А других оно совсем не удивляет.

А все как надо нам учиться и учиться
У книг, у жизни, а то и у людей,
И ученостью своей не всегда гордиться,
А коли и гордиться, то вовсе не везде.

С простым народом и быть надо попроще,
Проще выражаться, простым парнем быть,
Если ты в лесу или в сосновой роще,
Им можешь по-ученому все речи говорить.

Можешь всем деревьям, прислонившись к дубу,
Лекцию о людях и о себе прочесть,
«Рахмет» скажите людям, что вас они не рубят,
Что право жить на свете и у деревьев есть.

Они своею смертью служат человеку,
Видно, так все сделал матушка-природа,
Такое было в мире от века и до века,
Все служило на земле только лишь народу.

Правильно, мы счастливы, когда идем к народу,
Правильно, мы счастливы, когда среди людей.
Деревья, видно, счастливы, что как-то служить будут,
Служить людям в городе, на стройке и везде.

А потому давайте людям и поклонимся,
Поклонимся товарищу, поклонимся себе,
За жизнь людей давайте женщине помолимся,
Природе, небу, космосу и своей судьбе.

10.10.2017 г.

ЖУРНАЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ

Опять взял в руки Гундарева книгу,
Его «Светлынь-река» меня очаровала,
Писал поэт о разных жизненных интригах,
О Светлынь-реке, что так очаровала:

А рядом поживало его село Кыштовка,
В каком поэт родился, учился, проживал,
О ней не говорили ни шепотом, ни громко,
И где село находится, не каждый в мире знал.

Известно было только, что село в Сибири,
Но Сибирь ведь тянется до самого Востока,
О Кыштовке в целом мало говорили,
От кипучей жизни оно было далеко.

Знатоки вещали: Кыштовка стоит близко,
На лесной опушке близ Новосибирска,
Народ Кыштовки испокон с городом общался,
Потому он на просторах сибирских не терялся.

Гундарев в целинный век село свое покинул,
Дороги привели его в глухой Целиноград,
Где нашел работу, семейно обжился,
И в целом Казахстану он был сердцем рад.

Годы шли, и Гундарев стал истым казахстанцем,
Он шесть десятков лет ему отслужил,
В те годы он решил в редакторство податься,
На что двадцать лет своих взял да положил.

Журнал «Нива» редактировал два десятка лет,
В нем бывал мир света и своей страны,
Редактор начинающим давал живой совет,
Какой дошел и до моей облезшей седины.

Пять лет назад редактор у себя почил,
Вслед за ним почил и журнал наш «Нива»,
Почил без известных подписчикам причин,
А «Нива» прежде истинно подписчикам служила.

Ныне казахстанцы остались без журнала,
Писательскому миру некуда податься,
«Нива» пишущий народ крепко принимала,
А теперь им без причин пришлось распрощаться.

Гундарев наверняка из гроба осуждает
Тех, кто его «Ниву» вживую схоронил.
Писательский народ, подписчики не знают,
Чем болела «Нива» и кто ее убил.

Случилось то несчастье в пятнадцатом году,
Неведомо, какие тут бесчинствовали силы.
Подписчики и нынче в зал подписной идут,
Но им говорят: «Нива» враз почил».

И я, подписчик ярый, думаю свое:
Куда смотрит наша дорогая власть?
Ведь было у журнала отменное житье,
Кто же на него сумел, как фашист, напасть?

Два года уже уж минуло, а «Нивы» нет на свете,
Неведомо, кто сможет ее воскресить.
Остались без журнала подписчики, поэты,
Как в век цивилизованный без журнала жить?

Во времена Пушкина, Белинского, Некрасова
Журналы так гуляли по всей большой России,
Наш же Казахстан два журнала красили -
«Нива» и «Простор», мы их жизнью жили.

Нынче лишь «Простор» один в стране остался,
И это на семнадцать миллионов человек?
Тут бы даже Пушкин в космос рассмеялся:
Какой же наступил у вас, дорогие, век!

11.10.2017 г.

Мои поэтические вихри и раздумья
Мне, старику, и нынче покоя не дают,
Видно, это Пушкин писать стихи придумал,
От него, видать, они и ко мне бегут.

Коль бегут, я тут же их за хвост хватаю
И помещаю в нужную писательскую клетку.
Стихи о всяком разном, о Сибири и Алтае,
Где наши с бабкой проживают дорогие детки.

Стихи, как мы на «дембеле» хорошо живем,
Как нам наши пенсии часто повышают,
Как мы даже в хоре «дембельском» поем
И как нас с концертами всюду приглашают.

Ну, а коль душа поет, значит, жизнь о'кей!
Значит, нас не обошла ни жизнь, ни судьба,
Я у своей музы преданный лакей,
Какая стала для меня жизнь и борьба.

11.10.2017 г.

ПОВАРСКИЕ МЫСЛИ

Моя женка любит ургантовский «Смак»,
Утрами меня будит: обед вчерашний как?
Она понять не может Урганта рецепт,
Незнание просто гложет ее авторитет.

А ведь она когда-то делала борщи,
Какие нынче повара готовить не умеют,
Нынче классных поваров лишь в космосе ищи,
И то когда они свой полет затеют.

У Урганта там всякие китайские приправы,
Ну и неременная грузинская аджика,
Салаты так и вовсе из Сомали-державы,
Какими так объелась повариха Вика.

А женка мне готовит русскую закуску -
Вареники с картошкой, казахский бешбармак,
Который после стопки, как бог, идет вприкуску,
Без такой закуски не обойтись никак.

На бешбармак так падок гражданин кубанский,
Ростовский или казанский - замечено давно.
На него бросается и парень африканский,
Который после стопки дает свое кино

На своих изысканных барабанных инструментах,
У каких своя особая манера и краса.
Их ставили у ног иль на постаменты
И после у них брали чудо-голоса.

Не знаю, как там прочие, а женка дело знает,
Она мне часто варит домашнюю лапшу,
В какую неизменно цыпленка опускает
И какую неизменно добавить я прошу.

Нет, что ни говорите, а дело поварское -
Это вам, друзья мои, совсем не трын-трава.
Дело поварское всегда было мирское,
Чтоб сделать экстра-закусь, нужна голова.

Чтоб в ней была не менее большая сила мысли,
Мир поварской способная на всей земле объять,
Чтоб эти мысли у себя не старились, не кисли,
Им просто нужно самую живую жизнь дать.

Такою мыслью, кажется, владеет моя женка.
Не ведаю, как у других мужей, а у меня - так класс!
С ужином, обедами у нас нет напряженки,
Она вам торт сварганит в сиюминутный час.

11.10.2017 г.

Осень нынче свой норов и свое право кажет,
То сверкает белизной, то тут же задождит,
А то и вовсе снегом все дороги мажет,
И придорожный тополь в холоде дрожит.

Раньше так бывало: осень веселила,
Собирала у костра лихую молодежь.
Каждого прохожего листьями дарила,
Какие на деревьях и даром не сорвешь.

Осень листья пешему под ноги бросала,
Расстилала у окна, а то и у крыльца,
Первыми морозами за твой нос кусала
И в шубу загоняла даже молодца.

В год Петуха осень октябрем снежила,
А потом надумала собою землю греть,
Она хлеборобам крепко послужила,
Не давала их кострам попросту гореть.

Огородники и вовсе картопан убрали,
Ни дожди, ни холода жить им не мешали,
Огурцы да помидоры так давно засолены,
Словом, сделано все то, что житухой велено.

11.10.2017 г.

Осенним днем взглянул в окно - идет народ культурный.
Культура, всюду говорят, нам преданно служила,
А осень на мои стихи, на след литературный
Свои листья желтые взяла да положила.

Может, это был сигнал: со стихом завязывай,
А вот лучше, дорогой, навались на прозу,
В ней о жизни, о себе, о друзьях рассказывай,
И как ты лично посадил у окна березу.

А еще ты расскажи, как твоя «железка»,
Железная дорога, твоей судьбою стала,
И как в невесту выросла белая березка,
Какая свои косоньки тихо заплетала.

Расскажи еще о том, как мир наш изменился,
Теперь в страну другую враз не попадешь,
СССР без редких войн взял да развалился,
Без таможни нынче и шагу не шагнешь.

Не шагнешь и шагу из Алматы в Киргизию,
Из Петропавловска, хоть рядом, в Омск не попадешь,
Без таможни в Брест попасть - полная иллюзия,
Без таможни в СНГэвский век лишь в свой дом войдешь.

12.10.2017 г.

ЭТО БЫЛО...

Вновь и вновь Есенина читаю,
Его поэзию, его я стиль люблю,
Оттого, быть может, и читаю
Вечерами, а больше поутру.

Ну как тут не прочесть:
«Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси -
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси».

А сказано то было в двадцать пятом,
Далеко не в развитом году,
Когда революционные ребята
На обломках октября идут.

Всего лишь только восемь лет минуло,
Когда Россия низвергла царя,
Теперь она свободой вздохнула
Российскому народу благодаря.

Как бы он с остатками царизма ни крутился
И как бы ни залечивал раны октября,
Все равно на смену новый век явился,
В котором загорелась новая заря.

В новом веке многое по-новому рождалось:
Фабрики, заводы теперь в руках народа,
Прежде все богатство верхушке доставалось,
Теперь в России жили правда и свобода.

Они давали людям хлебное довольство,
Ученье, медицину, свободное житье,
Театры и искусство, людское удовольствие,
Где все было общее, а не твое-мое.

Общими рождались курорты, санатории,
Дома отдыха и детские лагеря в цвету,
Ими были заняты любые акватории,
Какие воплощали народную мечту.

Но у кого тогда народная нужда
Сдавливала сердце или волновала?
К народу у приспешников была одна вражда,
Какая отродясь им выгоду давала.

Октябрь эту нечисть оружием убрал
И дал народу власть, надежду и свободу,
А народ в России стал главный капитал,
Служивший миру, и стране, и себе в угоду.

Как бы жизнь по-новому в России ни крутилась,
Богатство и довольство в ней еще не родилось,
Но надежда на их жизнь у людей теплилась,
Надежду эту и в наш век пронести пришлось.

13.10.2017 г.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Сегодня у моего любимого поселка
Самый настоящий житейский юбилей,
Агадырцы помнят старые полвека,
Какие Агадырь носил на земле своей.

Нынче к этой дате прибавилась тридцатка,
Теперь нарисовавшая восемьдесят лет,
Поселок и не думал играть с жизнью в прятки,
Он жизнью заработал себе авторитет.

Он поезда водил в военную годину
И ремонтировал бывавшие на фронте паровозы,
Рабочие без приказа гнули свою спину,
Только чтоб военные не гремели грозы.

И паровозы правда вновь вдали трудились,
Там, где были взрывы и была война,
Руки агадырцев там тоже пригодились,
Их работа издали, но была видна.

А в мирный век и вовсе Агадырь работал,
Как и прежде, он поезда водил,
Брал на свои плечи разные заботы,
Железнодорожной жизнью и страной жил.

Нынче Агадырь в праздничном фаворе,
Его ж родные дети - агадырский люд,
Который приглашает всех для добрых разговоров
И отведают множество юбилейных блюд.

Агадырь их заслужил своею верной службой
Дорогой «железке», людям и стране,
Он остался верен памяти и дружбе,
Какие на его рождались стороне
В мирный век сегодняшний и на былой войне.

13.10.2017 г.

«Сердце любит и страдает,
Почти стыдась любви своей», -
Так Лермонтов оповещает
В свои года своих людей.

А как любим в нашем веке,
Стыдимся ль мы своей любви?
Теперь другие человеки,
Не тот разгон у них в крови.

Не так мы нынче любим небо,
Не так мы любим белый свет,
Кто в среде народа не был,
У тех любви к народу нет.

Ценен человек в движении,
Когда он средь любых людей,
Он зрит их мир и положение
И рад помочь любой беде.

Как бы жизнь нас ни крутила
И как бы скудной ни была,
У нас с собою наша сила
И наши добрые дела.

Человек их сердцем греет,
Им свою душу отдает,
Быть без них он не умеет,
Он с ними по земле идет.

В делах не раз рождался ветер,
Какой колышет милой косы,
А ветер нагоняет вечер,
Какой у жизни встречи просит.

А встречи - это пробужденье
Чувства, надежды и любви,
Это жизни откровенье
И всплеск собственной крови.

Когда они сойдутся вместе,
Любовь, надежда и весна,
Тогда и впрямь взлетает песня,
Любовь к весне несет она.

Любви стыдиться не годится,
О том глаголют мудрецы,
С любовью важно обручиться -
Так молвят и земли отцы.

14.10.2017 г.

МОИ ОКТЯБРЬСКИЕ ЗАТМЕНИЯ

Занялося утро октябрьской порою,
Осень разгулялась, а на дворе тепло...
Видно, осень хочет жизнь назвать игрою
И показать ее народу, как яркое кино.

Но люди с такой осенью такой осенью уже не раз встречались,
Бывало, приходилось и плащи снимать,
Они огородами, картошкой занимались,
А осень продолжала солнечно блистать.

Отважные и вовсе в озере купались,
Но их хворь людская вовсе не брала,
Они своей осени молча подчинялись
И свои решали насущные дела.

Нынче осень тоже разыгралась с солнцем,
Им на земле обоим уютно и тепло,
Люди так и вовсе раскрыли все оконца,
Им с осенью и солнцем празднично, светло.

Синоптики, однако, людей предупреждают:
Готовьте уголек и теплые сапожки,
Ноябрь запуржит и снегом забросает,
Заметет дворовые и школьные дорожки.

Такое в наше время уже не раз бывало:
Людей неподготовленных она хватала в плен,
В теплые одежды мигом одевала
И неповоротливых со всех рвала колен.

У осени текущей агрессии не видно,
Видать, ее чем-то природа одарила,
Она по Казахстану топает солидно,
Может, оттого, что его степи полюбила.

Октябрь мне дает октябрьские взбучки,
Какие затмевают, а то и свет дают,
На деле ж стихотворные они рождают штучки.
Подумал: пусть они к читателю идут!

15.10.2017 г.

МОИ ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАДВИГИ

Вот и мой поселок, вот и дом родной,
Здесь я прожил с женой шесть десятков лет,
Когда мы с ней по очереди ходили за водой,
Посколь тогда в домах воды не видел белый свет.

Колонки, слава Богу, хоть как-то да снабжали
Свое население живительной водой,
Молодежь так вовсе с поселка уезжала,
Ей просто не хотелось жить с такой бедой.

Ладно, хоть колонки как-то жизнь давали,
В домах двухэтажных не было тепла,
Только самодельные их печи обогревали,
Такая неурядица здесь испокон была.

История так ведает, что Агадырь родился
На большой «железке» «Караганда - Балхаш»,
Своим появлением Агадырь гордился,
А власти говорили: перевозчик наш!

Из Караганды сюда поезда ходили,
Отсюда ж их хватали и на Балхаш вели.
В том тридцать седьмом так агадырцы жили,
Строили поселок и жили как могли.

Дома свои, конечно, углем обогревали,
Благо по соседству была Караганда,
Недостатка в топливе жители не знали,
Агадырцы были у себя героями труда.

Агадырцы жили железною дорогой,
Бригады агадырские водили поезда,
Мир в те годы давние жил паровозной тягой,
Захватив и наши пятидесятые года.

Лишь пятьдесят седьмом страна стряхнула старость,
Перейдя на новые лихие тепловозы,
Молодая тяга вдохнула только радость,
Вызывая у людей радостные слезы.

Они вспоминали старые «овечки» и «ФД»,
Какие как-никак, а поезда таскали,
Они всегда нуждались в угле, дровах, воде,
Что им паровозники без всякого давали.

Как-никак, а жизнь свое все-таки брала,
После Сталина страна расправляла крылья,
Тут же и поспела Хрущева целина,
Какая много сделать полезного успела.

Она хотела, чтоб страна не нуждалась в хлебе,
Чтоб у нее ломились от хлеба закрома,
Чтоб СССР гремел от земли до неба,
Чтоб у него заначка всегда в ходу была.

Нынче, слава Богу, Агадырю исполнилось
Ровно, как мы видим, восемьдесят лет,
У него большая по стране дорога -
Он предков выполняет таинственный завет.

Чтоб Агадырь, как прежде, железным оставался,
Железнодорожному лишь транспорту служил,
Чтоб на передовых он в стране равнялся
И на благо Родины труд свой положил.

Это Агадырь и сегодня делает,
Он, как и много лет назад, водит поезда,
Он большим хозяйством поселковым ведает,
От заданий области не бегал никогда.

Железнодорожный стадион свой крепко обустроил,
Зеленым покрывалом, как ковром, покрыл,
Новый детский садик для детей построил,
На асфальт, ремонт домов хватало тоже сил.

Агадырь сегодня мой по-новому живет,
Украшает улицы и свои дома,
Область ему разные задания дает,
От который впору сойти можно с ума.

На улицах так ложатся цветные тротуары,
Площадь привокзальная вся выложена плиткой,
В нашем парке стали прогуливаться пары,
Какие насыщались любовною подпиткой.

Ну, а любовь, известно, к венчанью призывала,
Оттого в Агадыре множество детей,
Власть поселка молодым всегда жилье давала,
А медицина так спасает от болезней и смертей.

А все как здесь отличные, грамотные медики,
Какие клятву верности давали Гиппократу,
Они спасают каждого Жорика да Серика,
По первому же зову забегают в хату.

Что б ни говорили, а юбилей поселка
Карагандинский регион как-то да возвысил,
Агадырский юбилей проводили громко,
Без всяких привидений и всяких черных мыслей.

Как-никак, а Агадырь я все-таки прославил,
Теперь о нем услышат Балхаш, Караганда,
Я память хоть какую-то об Агадыре оставил,
Агадырь же обо мне не вспомнит никогда.

А зачем, скажите, о ком-то вспоминать,
О каком-то самозваном на земле поэте?
Поэт - так это тот поэт, кого хотят читать
И даже как-то встретить на этом белом свете.

Меня же, как я знаю, вовсе не читают,
Хоть я в библиотеке на виду лежу,
А коль не читают - значит, и не знают,
Хотя я агадырцами всеми дорожу.

Ну как не дорожить мне агадырской сферой,
Самими агадырцами, их жизнью и мечтой,
Их тайною надеждой и неизменной верой
В жизнь нашу новую, но вовсе не простой.

У агадырцев, говорят, есть своя мечта:
Они хотят, чтоб Агадырь вновь стал районным центром,
Конечно, для Правительства тут непростая маета,
Навеянная жестким агадырским ветром.

Агадырцы помнят, как двадцать лет назад
Агадырь уже бывал боевым райцентром,
Окружающий народ тому был крепко рад,
Он просто радостно дышал своим районным ветром.

А году девяносто седьмому стал Агадырь не нужен,
Его с карты области взяли и убрали,
Поселок в годы первые был ранен и контужен,
Но раны, хоть и медленно, но все же заживали.

За двадцать лет поселок по-своему крепился,
Строился, работал, своею жизнью жил,
А в юбилей он и на телеэкране появился,
Какого он судьбой своей и жизнью заслужил.

Караганде теперь известно, что рядом существует
Боевой поселок с народом боевым,
Который трудовые достижения тасует,
В железнодорожном мире он был всегда своим.

Своим он остается и в нынешнюю пору,
Когда все перевозки на электровоз легли,
Агадырь и нынче идет ввысь и в гору,
Все агадырцы трудности преодолеть смогли.

Деповчане, как и прежде, с поездами дружат,
Водят их в Сарышаган и в Караганду.
Они, как и прежде, родной «железке» служат
И по ее заданью всегда вперед идут.

Как-то прикатали семь электровозов,
И сказали: поездную им надо жизнь дать!
Найдите у них хвори, выньте все занозы,
Чтобы с поездами они могли пахать.

Коль такое адское задание поступило,
Деповчане тут же выстроились в ряд
И сказали: как бы им ни трудно в жизни было,
Электровозы сделают, будто на парад.

И точно: как хотели, так и получилось,
Электровозы выдали с улыбчивым лицом,
Руководство и рабочие крепко потрудились
И на их фоне смотрятся ну просто молодцом.

Заказчик свою технику осмотрел, похлопал
И доложил начальству свой основной вердикт:
Рабочий непременно и пыхтел, и охал,
Но своей профессии он не навредит.

У люда железнодорожного есть правило морское:
Что бы ни случилось, а друга выручай!
Есть правило такое и житейско-поварское:
Не клеится с обедом, а гостей встречай.

Не знаю, как там у других, а на моей «железке»
Правило морское и до сих пор живет,
Коль нет тебя ни рядом, нет и по повестке,
Друг тебя хоть мертвого, а все равно найдет.

Такая у железнодорожников житейская идиллия,
Хоть сам ты кувыркаешься, а другу помогай,
Пусть он и без имени, пусть и без фамилии,
Все равно из трудностей его ты выручай.

С юбилеем Агадырь и Караганда поздравила,
Пожелала счастья и трудовых побед,
Досель Караганда Агадырь не славил,
Теперь же у него свой победный бег
И свой незарастающий агадырский след.

16 -17.10.2017г.

Фанфары юбилейные в свете отгремели,
Агадырцы видели - их Агадырь в пути.
К тому же и они себя найти сумели,
Как и их поселок сумел себя найти.

Экран телевизионный хватал, что было видно,
Он хватал неведомый народ Агадыря,
Он усек и юрты - богатые, завидные,
Телеоператоры крутились здесь не зря.

Юрт было аж пятнадцать, в них народ бывалый,
Агадырцы в зареве и гостевой народ,
В юртах операторы тоже побывали,
Где аппаратуру и пускали в ход.

Затем их бешбармаком и чаем угощали,
Наливали доброго хмельного кумыса,
Гости что-то ели, новинки собирали
И на все бросали удивленные глаза.

Ну как не удивляться трибунам и народу,
Какого и компьютеры не смогли объять,
Благо с агадырцами дружила и погода,
Какая не хотела их дождями поливать.

За круглыми столами в юртах побывали
Я и мой товарищ, ветеран депо,
В юртах мы кумыску и чай гоняли,
Нам даже помогли снять фуражки и пальто.

Налегали с другом мы на чай и баурсаки,
Никак не пропустили и заветный бешбармак,
Не чурались мы и лепешек с маком,
От каких не увернуться и не уйти никак.

А временная сцена талантами блистала,
Звучали тут ионики, гитары и домбра,
Певческая группа в хоре выступала,
Свой номер показала и домбры сестра.

А зазвучала для людей изнеженная скрипка,
Ах, какие звуки смычок в природу нес!
И скрипачка-девочка в пеньюаре гибком
Пробирала каждого чуть ли не до слез.

В общем, агадырский той дал агадырцам силу,
Ему как есть исполнилось восемьдесят лет,
Время Агадырь жизненно носило,
У него претензий к своей жизни нет.

18.10.2017 г.

Читаю у Есенина: «Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний, а в сердце светит Русь».
Я тоже вспоминаю вчерашнее движение
Совсем раскрепощенной телексной братвы,
Какая усекала вздох и раздражение,
И скинутые шапки с бритой головы.

А это шли к трибуне седые ветераны,
Какие вспоминали, как Агадырь рождался,
Они воспоминания не несли в кармане,
Каждый выступил отменно и не растерялся.

Один сказал: «Друзья мои, мы здесь вели «железку»,
Какая называлась «Караганда - Балхаш»,
Строителям давали особые повестки,
Где значилось: строитель этот только наш и наш».

А коль все свои, работа шла и спорилась,
С железною дорогой рос и Агадырь,
Строители работали, не дрались, не ссорились
Из-за недостачи для всей братвы квартир.

Годы шли своим путем, «железка» в строй вступила,
А Агадырь и вовсе шел своим путем,
Его железнодорожная слава прокрутила,
Агадырцы говорят, что ею мы и теперь живем.

Военная година ударила по многим,
От нее и Агадырю сверх всякого досталось,
Война хоть бушевала у чужих порогов,
Она своею чернотой каждого касалась.

И все же анадырцы ту войну прожили,
Дни Победы и сюда, в глубинку, докатились,
Агадырцы край родной и себя любили,
Отчего жить хорошо у других учились.

Агадырю сегодня восемьдесят лет,
Он на большой дороге, идет своей тропой,
У поселка трудовой живой авторитет,
Вкрапленный его жизнью и его судьбой.

18.10.2017г.

«Бетон высотных зданий вытесняет небо», -
Так сказал неведомый мне некто Анарбеков,
В столице нашей Астане в семнадцатом я не был,
А она все краше и ближе к человеку.

По телеку, однако, Астана мелькает,
Внутренне и внешне в ней столько красоты!
Только для чего она в небо поднимает
Свои дома высотные до солнечной черты?

Она сравняться хочет с нью-йоркскими домами,
Какие впрямь до неба в росте достают?
Но, глядя на них снизу трезвыми глазами,
Они уюта людям и ласки не дают.

18.10.2017г.

В Астане не видно подземных переходов,
Неведомо, зачем их строители чураются?
То ль они лишатся денежных доходов,
Но город в переходах и теперь нуждается.

Переходы под землей есть цивилизация,
Какие от машин и от смертей спасают,
Переходы эти всех горожан касаются,
Хотя они стране родной в копеечку влетают.

Но лучше деньги потерять, чем людскую жизнь,
О том жизнь говорит и наше бытие,
Давайте мы откажемся строить коммунизм,
А будем строить переходы и житье свое.

18.10.2017г.

Прошмыгнул по Астане вдоль и поперек,
Ах, какая красота, хоть пиши сонет!
Строители, что надо, сотворили в срок,
А вот живого туалета для прохожих нет.

Заведенье нужное взрослому и детям,
Город миллионный, им куда податься?
Эти заведения известны белу свету,
Только город с ними не желает знаться.

18.10.2017 г.

ХЛЕБОРОБСКИЕ ЗАДУМКИ

В девятнадцатый октябрь за стих решил не браться,
Поскольку ничего на ум в тот день не приходило,
Стих должен был хотя бы моей любви касаться,
В которой что-то было, а то и вовсе сплыло.

И все же включил телек, чтоб знать, чем жизнь дышит,
Какие у людей и у страны дела,
Какие мир проблемы и дела колышут
И что эта осень моей стране дала.

Сезон хлебоуборочный в моей стране закончился,
Хлеба намолочено - не слишком завались,
Хлебороб, до этого на поле глядя, морщился,
А себе так он сказал: дорогой, крутись!

Конечно, хлеборобы по-своему крутились,
Техника работала с утра и до утра,
Хлебные загоны комбайнами косились,
Но все то уж померкло вчера-позавчера.

Нынче хлебный вал в закрома засыпан,
Как с ним страна поступит, не каждый должен знать,
Важно, этот хлебушек у нас в стране прописан,
А она пусть думает, как с ним поступать.

Пусть его толкнет Китаю иль Корее,
Пусть даже Белоруссии, Тбилиси продадут,
Пусть Казахстан возвращается с хлебом как умеет,
А хлеборобы хлебу отдали свой труд.

Что ж, придет весна и вновь наступит лето,
А там вновь прикатит осень золотая,
Претензий к этой осени у хлебороба нету,
О будущей он думает: будет ли такая?

Конечно, хлеборобы мечтают о погоде,
Чтоб на поле хлебное дождь в стране упал,
Чтобы хлеборобу и стране в угоду,
Хлеб свое богатство невиданное дал.

А этому давайте про себя помолимся,
Всевышний по возможности что-то да учтет,
Он учтет, как люди с трудностями борются,
И все их пожелания поставит на учет.

19.10.2017 г.

МОЯ ШИРЬ, МОИ ПРОСТОРЫ

Есенин говорил не раз: ему светила Русь,
Которую, как сын ее, он преданно любил,
Нынче я с поэтом в корне соглашусь -
Мне тоже Казахстан родной дорог мне и мил.

В Казахстане я родился еще в тридцать седьмом,
Здесь же родились мои отец, мать и деды,
Родился я в ауле близ Кургальджино,
Где проживал до самого большого Дня Победы.

А дальше жизнь делала крутые повороты:
Отец погиб на фронте, у матушки нас трое,
Жизнь нам дала живительную квоту,
И мы Кургальджино оставили в покое.

Потом была, конечно, шустрая повозка,
Шустрая лошадка и на повозке мы,
Переезд не ставил нам никакой загвоздки,
Только мы боялись наступавшей тьмы.

Днями мы катили по степной дороге,
Ночами отдыхали в юртах чабанов,
Дорога не дожидая дорожные тревоги,
Мы в юртах не стеснялись наших крепких снов.

Так вот трое суток мы медленно, но плыли,
Дорога называлась «Кургальджино - Жалтырь»,
В дороге мы с мамашей не ссорились, не ныли,
А лошадь отмеряла степную нашу ширь.

Дороги как-никак, а где-то да кончаются,
Кончилась и наша в железнодорожном Жалтыре,
В нем наша жизнь по-новому, как в песне, начиналась,
В каком-то запустелом, но живом дворе.

С той поры промчались аж десятилетия,
Они вторую родину мне дали - Агадырь,
Жалтырь остался в памяти далеким, мимолетным,
А Агадырь - мой повелитель, друг и поводырь.

У Есенина на сердце была Русь лихая,
А у меня на сердце мой милый Казахстан,
В котором я живу, пишу и отдыхаю
И какой мне точно был судьбою дан.

20.10.2017 г.

Я почему-то больно смерти принимаю,
Особенно известных на земле людей,
Пусть я их жизни не ведаю, не знаю,
Но их телек кажется повсюду и везде.

Известности подобной подвержены актеры,
Они с экранов фильма с нами говорят,
О них затем повсюду ведутся разговоры
За то, что они с экрана людям жизнь дарят.

Вот только что в газетах мелькнуло сообщение
О внезапной смерти Дмитрия Марьянова,
Смерть сорокалетнего рождает удивление,
Притом артиста знатного, красивого, бывалого.

Болью отдалась и смерть большого режиссера,
Фильмами которого мы просто упивались,
Он находил на роли изысканных актеров,
Зрители игрой каких только восхищались.

А режиссером много лет был Эльдар Рязанов,
Какому бы хотелось памятник поставить,
Пусть не сегодня-завтра он встанет пред глазами,
Но люди все равно его будут славить.

Хотелось, чтобы славили Нонну Мордюкову,
Румянцеву Надежду, весь актерский мир,
Они жизнь давали с жизненной подковой,
Каждый из них стал для нас истинный кумир.

Кинематограф многому Рязанову обязан,
А зритель так обязан режиссерам-сценаристам,
Зритель и сегодня к Бровкину привязан,
А к Тихонову и вовсе в роли тракториста.

Да, нет Бровкина и Пельцер, Филиппова Сергея,
Нет Шурика и Быкова, и Кузнецова нет,
Но их жизнь и память, и роли душу греют,
Вот им бы и воздвигнуть благодарный монумент.

20.10.2017 г.

О БЫЛОМ

Что ж, друзья, давайте подведем итоги:
Об осени текущей я уже связал,
То, что мы стоим у зимнего порога,
Говорит наш поселковый боевой вокзал.

А все как батареи в нем заговорили
Самым настоящим теплым языком,
Да этого котельную шмонали да белили,
А уголь самосвалы бросали кувырком.

Сказал я и о нашем агадырском юбилее,
Поселку шибануло аж восемьдесят лет,
За эти годы он стал каждому милее,
У него родился и свой авторитет.

Затронул я и старые есенинские струны
И даже что-то кровное из него пропел,
На Анну его Снегину как мальчишка клюнул,
Над «Черным человеком» тоже попотел.

Крутились, между прочим, и другие мысли,
Вспомнил, как ходили в детстве на паслен,
А все как мы от голода морщились и кисли,
А спасал нас от него только он и он.

Насчет того, чтоб как-то отбросить мне копыта...
Да у меня и близко такого в мыслях нет,
Я своими книгами, своею жизнью сытый,
А все как я непризнанный, но все-таки поэт.

Что закрыли «Ниву», сказать не удержался,
Как такой решимости хватило у властей?
Двадцать лет я с «Нивой» как подписчик знался,
Читал ее спокойно, без всяких скоростей.

Есенинские письма своей сестренке Шуре
Я, кажется, цитировал, но своей душой
Я даже ощущал в себе стрелы свет-Амура
И насыщал стихи свои творческой «лапшой».

Что-то я писал и о своей сестре,
Писала в ее далекий город Чебоксары,
Со стихом я плавился, будто на костре,
Но все же остывал, когда хватал гитару.

Как-никак, гитара что-то свое пела
Про наши казахстанские мысли и дела,
О том, что наша Родина многое успела
И многое народу своему дала.

21.10.2017 г.

О КОРОВЕ

Прочел вот у Есенина что-то о корове,
Какую повели без думок на убой.
По себе так сдвинул старческие брови:
Неужто им не жалко кормилицы такой?

А я вот и теперь помню нашу Милу,
Какая всю войну нас молоком кормила,
Мама к ней на цыпочках с ведерком ходила
И, конечно, не спеша кормилицу доила.

В военную годину, как помнится, страна
Народу продовольствие по карточкам давала,
И какой жестокой та ни была б война,
А страна по-своему крепилась, выживала.

Вот и мы в своем ауле по-крестьянски жили,
Роскоши не знали, крепились, как могли,
На работу даже в праздники ходили,
На весенней пахоте костры большие жгли.

Для того, чтоб их огнем как-то да согреться,
Весенняя распутница тепло не всем давала,
Приходилось даже у моторов греться,
Но больше память о живых сердце согревало.

А коровку Милу мы утрами выпускали
На первую весеннюю зеленую траву,
А в зиму мы ей сено вязанками таскали,
Она ж как будто говорила: спасибо, я живу!

Конечно же, такое она не говорила,
Но взамен исправно свой надой давала,

Мать ее, послушную, по утрам доила
И даже ее вымя теплым укрывала.

Как-никак, а молоко от голода спасало
Матушку и нас, ее троих детей,
Мы забыли, что такое мясо, рыба, сало,
Однако же ходили по живой черте.

Отец писал, что третий год он в боевом строю,
Как они фашистов гонят до Днепра,
Пока он не сложил головушку свою,
Фашистов до берлинского будут гнать двора.

Но вот война закончилась нашею Победой,
Отец ее, однако, так и не дождался,
Он на переправе на днепровской не был,
Поскольку вражьей пуле, как герой, достался.

А дома его женка и трое деток ждали,
Но тут подросла злая похоронка,
А мы все в своем ауле как-то выживали,
Чему и помогала наша коровенка.

Кончилась война. Мы Милку не сгубили
И не повели на смертный на убой,
Мы за ней в пастуший стан каждый день ходили
И на поводке всегда вели прямо за собой.

Когда мы уезжали из нашего аула,
Коровенку взяли и на баз свели,
Каким там живым ветром на нее подуло,
Мы узнать с мамашей так и не смогли.

Может быть, ее, как и у Есенина,
На такой же привязи увели на бой...

Когда мы уезжали в пору ту осеннюю,
Коровенка Мила была еще живой.

Коровка эта Мила нас все-таки кормила,
Может быть, мы жизнью ей и теперь обязаны,
Она давала нам живительные силы,
Мы были просто к ней по-людски привязаны.

Что ж, семь десятков лет с той поры прошло,
Конечно, нашей Милы давно на свете нет,
Ко мне же что-то памятное о той поре пришло,
А все как я, наверное, все-таки поэт.

22-23.10.2017 г.

ДУМЫ О ЖИЗНИ

Копыта отбросить, как говорят, не думаю,
Не сегодня-завтра, не через десять лет,
Ну, а медицина там что-то да удумает,
Как продлить житейский наш человеческий век.

Владимиру же Зельдину она жизнь продлила,
Она аж за сотню лет в миру перешагнула,
Знать, у медицины есть умственные силы,
Какие жизнь продлят для всех на всю страну.

Будут казахстанцы жить лет до ста и более,
А там постараются до двухсот продлить,
Может быть, наступит времечко такое,
Когда просто спросят: не надоело жить?

Нынче мы встречаемся, что жить надоедает,
И люди себя попросту берут и уничтожают,

Какая у них мысль в их мозгах витает,
Об этом философия и логика не знают.

Такому я народу просто удивляюсь
И соображаю: то люди иль не люди?
Я вот над стихами и сегодня маюсь,
Знаю, что никто мне их не принесет на блюде.

Так не стану ж я из-за своей бездарности
На себя накладывать собственные руки,
Наверно, это делают от умственной халатности
Или ум свой отдан жизни на поруки.

Вот чего не поделил с собой поэт Маяковский,
Что ему, поэту, жить в стране мешало?
Его стих в стране был признанный и броский,
Творчество его страну никак не раздражало.

А чем жизнь Фадееву Александру помешала?
От своих изданий в славе он купался,
А вот что-то прошлое ему напоминало,
И он от выстрела в себя с жизнью расстался.

История заметила, что тут Хрущев замешан,
Он ведь личности Сталина взял да разверстал,
А Фадеев к Сталину как-то был примешан
И писательство народное от репрессий не спасал.

Он мог бы защитить Сейфуллина Сакена,
Беимбета Майлина и целый ряд других,
Но Фадеев этого в годы те не сделал,
Хотя сказать он доброе мог о всех о них.

Как писатель знал он Сейфуллина и Майлина,
Знал, конечно, он и множество других,

Но пойти наперерез указаний Сталина
Он вовсе не пытался и был далек от них.

Самоубийц на свете, говорят, не счесть,
Философия не ведаёт, что ими в свете движет,
Человек пока на нашей земле есть,
Себя самоубийство не изживёт, не снижет.

А я вот, черт возьми, хочу жить и жить,
Хочу писать стихи, поэмы и романы!
Хочу своею жизнью, как прежде, дорожить,
Не допуская к ней болезни, хвори, раны.

В мои сегодня восемь я не хочу стареть,
В мои нолик сносим хочу стать Есениным,
Меня моя поэзия может обогреть,
Такое, может быть, оно судьбой мне велено.

Честно, дорогие, всей старческой душой
Хочу покувыркаться ещё много лет.
Пусть мне и вам на свете будет хорошо,
Я этого хочу как друг ваш и поэт.

Как поэту хочется мне о вас писать,
Жизнь вашу прославлять и наш новый век,
я хочу свои стихи вам под ноги бросать
И громко воспевать, как славен человек!

24-25.10.2017 г.

Это моя супруга Раиса
шестьдесят лет назад.

Моя сестра Лидия, г. Чебоксары.

Сегодня население нашей трехэтажки
Собрало настоящий дворовый женсовет,
На какой пришли кто с термосом, кто с фляжкой,
Даже прикорячился заскорузлый дед.

«Вопрос решался острый, - сказала мэр двора, -
Наш двор превратили в футбольную поляну,
Окно разбили у Толстых только лишь вчера,
И мы не знаем, кто нанес такую им подляну».

У детей, конечно, правды не добиться,
А их там была куча, враз не сосчитать,
Они знать не знают, как то могло случиться,
Что мяч сумел кому-то в окно, в стекло попасть.

Это люди сами свое стекло разбили,
Поскольку у Толстых аж пятеро детей,
Дети у них сами не раз стекла били,
Посколь играют в прятки даже в темноте.

Такое у Толстых уже не раз бывало,
Такое к ним притопало и на этот раз,
Дети так советуют, чтоб от них отстали
И на их игру не бросали глаз.

А Толстые, видите, просят разобраться
И виновника все-таки найти,
Чтобы не могли впредь мячом бросаться,
И для игры пусть ищут новые пути.

А главное, Толстые просят разобраться
И с виновного содрать тысячу тенге...
Как нам быть - неведомо, и куда бросаться
И тыщу приписать какой такой ноге?

ЧТО БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ...

Вот опять толкаюсь по своему поселку,
Поспешать мне некуда, ведь я пенсионер,
В магазинах вижу заваленные полки,
Эх, такой бы в прошлом был для страны пример...

Молодость моя росла с целиною,
Когда мне шибануло восемнадцать лет,
Когда я вместе с шустрой боевой братвою
На целине искал свой авторитет.

Целина давала технику любую,
Работы всем хватало - просто завались!
По целине, признаться, я и теперь тоскую,
Ее годы в старости во мне отзывались.

На целине пахал я целинные просторы,
Со мною упирался и другой народ,
О нас печать повсюду вела разговоры,
Говорили, мы идем только лишь вперед.

Мы и правда верили партии, Хрущеву
И по правде строили хрущевский коммунизм,
Мы себя считали Родиной польщенными,
Потому как строили золотую жизнь.

А полки магазинные пустошью блистали,
До золота нам было как свинье до неба,
Продукты, правда, всюду себя стране казали,
Вдоволь было всюду мяса, сладостей и хлеба.

Но полки не могли порадовать костюмом
Или элегантным импортным пальто,
Вот и шастал люд в стране угрюмый,
Помочь какому не могли ни Хрущев, никто.

Века золотого так и не наступило,
Ни Хрущев, ни целина нам его не дали,
То, что в стране ценное еще как-то было,
Люди его просто жизнью проживали.

Теперь о том житье память лишь осталась,
Мы тот век прожили, прожили все тревоги,
Мы бедноту изжили, она от нас умчалась,
Теперь у нас свои светлые дороги.

У нас большие планы и боевой настрой,
Мы будем украшать наш вечный Казахстан,
Мы жизнь сделаем красивой и живой,
Даже и на зависть чужеземных стран.

Независимость свою мы родили сердцем,
Мы как есть свободны в мировой среде,
Дружим мы со всеми, с поляками и с немцем,
Нас принимают дружески всюду и везде.

С СНГвским людом мы остаемся в круге,
Какой нас не пытается врозь разъединить,
Каждая страна друг другу стала другом,
Мы как один пытаемся друг подле друга жить.

Мы дружим с англичанами и американцами,
С Китаем и Кореей, с арабскою страной,
С Африкой далекой, где есть наши посланцы,
И, конечно, с нашей Россией дорогой.

Нынче мы живем, крепимся и строимся,
У нас столица новая - наша Астана,
Народ Казахстана Президенту молится,
Такая у него красивая страна!

Она с каждым днем становится все краше,
Краше и богаче, могучей и сильней,
Мир СНГвский видит страну нашу,
И просто неизвестно, кто сравниться с ней.

26-27.10.2017 г.

ПОЧТИ ПО НЕКРАСОВУ

Однажды в студеную зимнюю пору
Я из дому вышел, был слабый мороз,
Хотелось бы с кем-то вступить в разговоры,
Но мне прокричал деповской тепловоз.

Утро святое, пенсионерам не спится,
Уже накатало двенадцать часов,
С пенсионером проснулись и птицы,
Значит, с дверей убирают засов.

Дверь отворил, значит, ты уж проснулся,
Значит, ты точно вклинился в жизнь,
Ты узе утренней почты коснулся
И смотришь, кто строит у себя коммунизм.

Неужто народ так мороза боится?
Да у нас на Урале в морозы поют!
Даже на пляску никто не стыдится,
Пляска и песня ведь жизнь дают.

Мы, друзья, хотим чтить себя южанами,
Холодов боимся и снежного заноса,
В морозы себя кутаем разными кожанами,
А детей так кутаем вообще без спроса.

Мы себя, друзья, закалять не стали,
Начхали на зарядку, хождение и спорт,
Мы не хотим быть крепче закаленной стали,
Нам другом стали Интернет, обед и сладкий торт.

Это внуки у меня собой распоряжаются,
Их от Интернета и ремнем не отогнать,
Они с Интернетом ночами знаются,
Забывая, что им надо брыкаться в кровать.

Матушку с отцом они совсем не слушают,
Ну, а бабка с дедом им, что вчерашний день,
Они даже свой компот и кисель не кушают,
Им только Интернет кажет свою сень.

Что в том Интернете, нам с бабкой неизвестно,
Только наши внуки в нем просто пропадают,
Им в том Интернете все было интересно,
Они информацию любую извлекают.

Пока с бабкой мы до «Самсунга» добиралась,
Внуки нам так новость тут же поднесли:
Люди и врачи с Марьяновым расстались,
Невосполнимую потерю люди понесли.

Перед ним Рязанов тоже сложил крылья,
Мир кинематографа потерял орла,
Его фильмы, кажется, дышали только былью,
Правда в его фильмах и во сне была.

Мир сегодня, говорят, с Интернетом связан,
Только мне он точно, что зайцу вытрезвитель,
Интернету я и он мне не обязан,
Я в пенсионной колее сам себе воитель.

Мне, пенсионеру, хочется общения,
Ну, а как писателю - с читателем моим,
Общение полезно для кровообращения,
Читайте меня, други, не мертвым, а живым.

Коль я еще живу, значит, мысль в работе,
А коль мысль работает, значит, я пишу,
Какие у страны и у людей заботы,
Я в свою писательскую положу «лапшу».

Издатели с моею «лапшой» разбираются,
Что-то сокращают, а что-то издадут,
Но мои книги, говорят, все-таки читаются,
Они хоть тихим шагом, но к читателю идут.

Не знаю, поползут ли эти завихрения,
Кто-то мне сказал: стих нынче не в чести,
В стихах не угадать поэта откровения,
Их проза лишь способна в своих строках нести.

Не ведаю, что в прозе, мне то неизвестно,
Но в стихах я что-то о себе сказал,
Мои покаяния кому-то интересны,
Я вроде свою жизнь наизнанку показал.

Не сказал, что не хочу я повторить Марьянова,
Повторить Эльдара, Шукшина, других,
Я хочу жить вечно с моей бабкой парой,
Как жив нынче Этуш в фильмах дорогих.

Хотел бы дотянуть я до зельдинского срока,
Чтобы мне хотя бы девятку перешагнуть,
До зельдинского срока мне еще далеко,
Но так непредсказуем наш человеческий путь...

Утро занялося, старикам не спится,
Уже накатало одиннадцать часов,
Со стариками бодрствуют и по прилету птицы,
Значит, с дверей надо убирать засов.

Коль дверь ты отворил, значит, ты проснулся,
Значит, ты включился в человечесью жизнь,
Ты уже и к утренней почте прикоснулся
И смотришь: кто же строит хрущевский коммунизм?

27-28.10.2017 г.

Ну почему меня обходят есенинские песни:
«Дальний плач тальянки, голос одинокий»?
Может, потому что в песнях мыслям тесно,
И я остаюсь от людей далекий?

Ах, а какие песни есть - душу затмевают!
Песни на слова песенных поэтов,
Песни старых лет, где любят, провожают,
Какие и сегодня шлют свои приветы.

Эх, и мне б затронуть золотые планки,
От которых песня на душу ложится,
А молодежь и правда расходится с гулянки,
Только мне, поэту, оттого не спится.

Провожать я не могу - мне уже восьмерка,
А позавидовать поэту я-таки смогу,

У меня, пенсионера, своя святая мерка,
Пред жизненными песнями я все равно в долгу.

Может, я стою пред песенной загадкой,
Остаюсь заложником в песне и в себе,
Жизнь дает, однако, какую-то зарядку,
Какая в моей жизни и в моей судьбе.

28.10.2017 г.

29 октября Интернет заметил -
Настоящий праздник для автомобилистов,
Он для них по-своему, по-шоферски светел,
Для шоферской братии и для всех таксистов.

Братии шоферской в стране не сосчитать,
Однако мы должны им низко поклониться,
Они доставят нас, нам только пожелать,
Мы можем даже в Астане гостем появиться.

На такси промчаться можно даже в Зеренду,
А там в Атбасар и даже в Костанай,
На такси ты сможешь промчать в Караганду,
А там любой участок бери да выбирай.

Можешь на такси и в Балхаш промчаться,
Можешь лыжи наострить и на Алматы,
Можешь даже на такси и в Ташкент пробраться
И попутно для любимой прикупить цветы.

В целом шоферской народ в космическом угаре,
Он днями и ночами в космическом движении,
Он спешит к больному, в погоню, на пожары,
По жизни у шофера такое положение.

Как бы шоферов и мир их ни ругали,
Они все равно на боевом посту,
Они в своей сфере короли и крали,
Им надо ставить памятник за труд и простоту.

29.10.2017 г.

Поверьте, со стихами не могу расстаться,
Они меня, подлюки, и нынче донимают,
Я им говорю: «Пора вам рассосаться»,
А они, однако, мысль из сердца вынимают.

Говорю я строчкам: «Вы уже бывали,
Вы моему читателю даже надоели,
Читатели от вас даже подустали,
А вы все рождаетесь, хоть и на пределе.

Ну чего вам не прийти к Петру иль Николаю,
Каким вчера исполнилось по семнадцать лет?»
А вот стих мне шепчет: «Тебя выбираю,
Поскольку как другой кандидатуры нет».

29.10.2017 г.

ДВА ИМЕНИ

Женка мне сказала: «Ты с детства Николай,
С именем ты этим прожил много лет.
С сегодняшнего дня ты будешь Сагентай,
Думаю, подвоха тут не было и нет.

Бабки на завалинке так рекомендуют
В наше время непременно два имени иметь,
Они тебя по-своему как-то заколдуют
И как-то по-особому будут тебя греть.

Бабки говорят, что люди нынче злые,
Они могут сглазить, несчастья пожелать,
Есть в круге человеческом даже и такие,
Какие могут нас до нитки обобрать.

Есть у нас на свете и такие тетки,
Какие твоего мужа могут присушить,
Их не уладишь никакой конфеткой,
Они хотят царевнами на этом свете жить.

А вот кто живет с двумя именами,
Наговор, присушка их попросту обходят,
Они где-то трутся с нами и не с нами,
Но в именах вторых свой объект находят.

Давай, Сагентай, послушаем старушек,
Они хоть чего-то в жизни нахватались...»
Сегодня, Гульчатай, я без пуль и пушек
И беспрекословно тебе подчинюсь.

Нынче моя женка - просто Гульчатай,
И правда, нас несчастья разные обходят,
Я теперь у женки - просто Сагентай,
Вторые имена от нас все горечи отводят.

Много лет для Гульчатай
Я кличусь Сагентаем,
Она мне говорит: «Поедем на Алтай -
Вторым имена сразу забываем».

С двумя именами мы так и живем,
Все беды, сглаз, присушка нас пока обходят,
Бабкам с Гульчатай мы поклоны отдаем,
А Гульчатай им даже по жуз грамм находит.

29.10.2017 г.

УЛИЦА МОЯ, ДОМА МОИ

Мой однополчанин в начале девяностых,
Когда СНГ в природе появился,
Перед всеми нами распрощался просто
И в свою Германию взял и удалился.

Что тебе, несчастный, в Казахстане жить мешало?
У вас, дорогие, еще много дыр,
Зарплата не ахти и работы мало,
И кто не видел хуже дыр, пусть едет в Агадырь.

А я в Агадыре аж шестьдесят годочков,
И представьте, братцы, я его люблю,
Здесь Гульчатай моя родила сыночка,
За здоровье какого я и теперь молю.

Сын в Агадыре учился и работал,
Как ярый деповчанин поезда водил,
Наступивший СНГ по-своему сработал,
И сын с братвою прочею в Россию укатил.

Но матушка-Россия слишком необъятна,
А братва из Агадыря умчалась на Алтай,
Где жизнь для них была нелегкой, но приятной,
Все ж то была Россия, а не чужой Китай.

А с Агадырем я как ребенок свыкся,
Не нужны мне самые родные города,
Мой поселок, кажется, только что умылся,
Отсюда не уеду я никуда и никогда.

К поселку и к его людям надо прикипеть,
Тогда вас оторвать от них белый свет не может,
Я готов про Агадырь даже песню спеть,
Какая ветеранский хор наш и теперь тревожит.

Лично я к поселку прикипел не зря,
Я в степи утрами росой умываюсь,
А когда приходит по утрам заря,
Я зарей и птицами, их жизнью наслаждаюсь.

Ну как же, дорогие, это жизнь моя,
Какая мое время и меня хранит,
У меня есть Гульчатай и моя семья,
А у них есть я, Сагентай-джигит.

30.10.2017 г.

О МОИХ ЗАВИХРЕНИЯХ

Склонился над своими лихими завихреньями:
Ну, стихи не Пушкина, но все-таки стихи.
Нынче у меня на стих большое наполнение,
Не ведаю, однако - жаксы или плохи?

Женка так советует со стихами завязать,
Как-никак, мне все же восемьдесят лет.
«Навались на прозу - в ней можно все сказать,
А у стихов такого не было и нет.

Будь ты Пушкиным или же Есениным,
Им стихи, как богу, всегда подчинялись,
Тебе же ими быть самой судьбой не велено,
Их стихи не иначе как гениев касались.

Ну, а ты, Калкен-улы, ты просто старикашка,
Тебе до их таланта, что свинье до неба,
Ты привык к своим избалованным марашкам,
Какими ты известными на белом свете не был».

Если разобраться, Гульчатай права,
Никто моих марашек в поселке не читает.
Свой поэт в поселке? Не кружит голова,
Что я есть поэт, и мой подъезд не знает.

Докладываться же людям я просто не могу,
Поскольку мои книги есть в библиотеке,
Правда, я старик, согнувшийся в дугу,
Который посещает больницу да аптеки.

Но днями да ночами я все-таки пишу,
Старческие мысли то делать заставляют,
Пусть я пишу не классику, а только лишь «лапшу»,
Но и ее в поселке и даром не читают.

О читательском процессе сегодня говорят:
Все книги нынче заменяет Интернет лихой,
Для многих он становится друг, товарищ, брат,
Он даже собутыльникам жизнь делает сухой.

А я так Интернета не ведаю, не знаю,
Эта вещь придумана скорей для молодых,
Я без Интернета в доме не скучаю,
Читаю свои вирши, читаю и чужих.

Ударяюсь в Пушкина, Есенина, Твардовского,
Читаю девятнадцатый знаменитый век
И нынешних читаю, того же Исаковского,
Ах, какой великий был поэт и человек!

Хотелось бы и мне к их творчеству добраться
И писать такие же известные творения,
Но лучше все-таки самим собой остаться
И старчески творить свои седые завихрения.

Насчет же со стихами завязать навечно...
Тут я с Гульчатай своей никак не соглашусь,
Они меня тасуют вдоль и поперечно,
Хотя за ними я и вовсе не гонюсь.

Вот ушли из жизни Марьянов и Рязанов,
Разве равнодушным можно оставаться,
Быть в жизни приживалкой и простой раззявой?
Да лучше в Бухенвальд к Гитлеру податься!

Ну как не возмутиться, что детей воруют
И за большие деньги куда-то продают?
Какие-то хапуги миллионами тасуют
И просто припеваючи за бугром живут.

Живут за наши деньги Храпунов с женою
И прочие, до коих мы не можем дотянуться,
Они не посчитались со своей страной,
Они ее грабастают и не улыбнутся.

Страна, конечно, их за руку хватает,
И они за свои действия колючку получают.
Неведомо, откуда такой народ бывает,
Неужто новый век их на свет рождает?

1.11.2017г

Телевиденье, бывает, темы поднимает,
От каких наш зритель уши затыкает,
Оно информацию такую преподносит,
От какой, по правде, зрителя воротит.

Не ведаю, где правда иль вымысел гуляет:
Борисову Дану в пьянке обвиняют,
Твердят, что она лечится от алкоголизма,
Какой приобрела еще при коммунизме.

Дана лично говорит: лечится - то правда,
Медицина говорит: делать это надо.
Хотя Дана никогда по пьянке не валялась,
Но медики близ Даны часто отирались.

Дана от мамы таблетки принимала,
Которые она ей в шестнадцать лет давала.
Мама говорила: таблетки память лечат,
На деле же они что-то да калечат.

Годы протекали. Дана удивилась:
Она, как оказалось, к наркотке прирастилась?
А она того не ведала, не знала
И таблетки эти и взрослой принимала.

Только лишь сегодня Дана поняла,
Что мама у нее полжизни отняла,
И все равно она матушку прощает
И от души здоровья ей и счастья желает.

Матушка Дане с ее семьей мешала,
Ее мужу неприязнь свою выражала,
А наркотик дочери тайно, но давала,
Хотя Дана ничего о том знать не знала.

Нынче жизнь Даны враз установилась,
Она со своей мамашей и с жизнью смирилась,
Лечение ее закончилось в субботу,
И она выходит на прежнюю работу.

А работа для нее - ее жизнь и дело,
Она и приступает к ним, как и прежде, смело,
А в лечении своем она винит лишь жизнь
И, конечно же, тогдашний хрущевский коммунизм.

1.11.2017 г.

После Даны телек наш на Джигурду набросился,
Телегероев, правда, нам часто не хватает,
Он с аудиторией не спорил и не ссорился,
А вещи интересные поведать обещает.

Жена его Марина во Францию уехала,
Джигурда же ехать туда отказался,
Она жила собою и своей потехой,
А Джигурда в своей стране актером оставался.

Джигурда с Анисиной по сути развелись,
Но они по-дружески и теперь встречаются,
А все как у них дети совместно родились,
Хотя в России жить они никак не собираются.

А жизнь Джигурду с Анисиной сливает,
Потому как друг без друга им просто нелегко,
Она их временами все равно сближает,
Это значит, счастье от них недалеко.

Чем кончится их встреча, мы пока не знаем,
Но жизнь для них делает жизненную скидку,
Однако мы как зрители им счастья желаем,
Пусть судьба подарит им общую кибитку.

1.11.2017 г.

ЕСЕНИНСКИЕ МЫСЛИ

«Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым».

Есенин это молвил втихомолку,
Когда ему-то было тридцать лет,
И он причесывал свои кудри-челку,
И был в стране уж признанный поэт.

А кто я в своем большом поселке?
Меня восьмерка да с нулем достала!
Утрами я любуюсь серебряною елкой,
Зимнее поветрие жалеть ее не стало.

Выхожу я к елке и трогаю иголки,
Мне почему-то с ними хочется грустить,
Я с ветром не желаю погонять вдогонку,
Я хочу у елки стихами говорить.

Конечно, молодым я никогда не стану,
Меня восьмидесятка сединой достала,
Стариком затурканным пред Господом предстану,
Такову мне жизнь, видать, судьба прописала.

Во всех своих желаниях Есенин стал скупее.
Ну, а жизнь его? Она ему приснилась!
С моею сединою и я не стал глупее,
Во мне даже жилка поэта появилась.

Все мы, по Есенину, в этом мире тленны,
Только, черт возьми, я не желаю тлеть,
А коль смерть придет, так пусть будет мгновенной,
Я не хочу при памяти на людях умереть.

Я хочу мгновенно в темень провалиться,
Чтоб меня в гробу лишь видели, жалели,
Я своею жизнью не желал светиться,
Я лишь загорался у колючей ели.

Я что-то ей душевное о себе читал
И, кажется, о жизни о своей рассказывал,
Я о долголетию думал и мечтал,
И даже свои руки ели я показывал.

Они умели у меня карандаш держать
И даже как-то елку по-мужски ласкать,
Я елке не давал на холоде дрожать,
Руки мои снегом елку укрывали.

А по весне мы с елкой вообще вдвоем,
Она моим стихам так пристально внимает,
Мы, кажется, по жизни рядом с ней идем,
Она мой человеческий голос понимает.

Я ей говорю: я жить еще хочу,
Я хочу с людьми и с елочкой общаться,
Я о моей жизни пред ними не смолчу,
Я к жизни и к судьбе должен обращаться.

Пусть они решают, как со мною быть,
То ли скажут: дорогой, ты уже зажился!
Надо жизнь прежнюю о себе забыть,
Поскольку ты на старости с нею закружился.

Ты уходишь в мир иной, но свет тебя не знает,
Видно, у поэтов такова судьба,
Есенина да Пушкина свет белый привечает,
Но к тебе, как водится, пришла сама труба.

Пока ты как-то мыслишь, ходишь, кувыркаешься,
С жизнью и судьбою сам и разбирайся,
С поэзией, с поэтами ты хоть как-то знаешься,
Потому средь них бойцом победным оставайся.

2.11.2017 г.

ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ

«Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу,
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу».

Вот опять Есенин влез
В мою израненную душу,
Но я не лью застывших слез
И по жизни я не трушу.

Я жизнь нормальную прожил,
Рос, работал, славился,
Своей поэзии служил,
С нею и состарился.

Есенин как-то говорил:
«Я давно свой край оставил».
У меня не хватит сил,
Чтобы я его за то поздравил.

Да и не только лишь его -
Всех, кто край родной бросает,
Я даже друга своего
За это крепко осуждаю.

Друг мой лыжи наострил
На российские проходы,
Он ведал, что он там не жил,
А вот попробовать бы надо.

И что ж, попробовал, живет,
Так же трудится и старится,
Вот скоро «дембель» подойдет,
Он на работе славится.

У нас ведь тоже свой закон,
Трудягу ценят, перевозносят,
Если он не охламон,
Его в передовики заносят.

А коль «дембель» подошел,
Тут речи, хлопоты, подарки,
Ты будто золото нашел,
Все в тебе светло и ярко.

Вот и я на «дембель» свой
Двадцать лет ушел назад,
Над моею головой
Был просто праздничный наряд.

Мне форму новую нашли,
Что железнодорожники носили,
Какой-то текст при всех прочли
И за труд благодарили.

Сказали: я передовик,
Пятнадцать лет в депо слесарил,
Не сказать, что я старик,
Поскольку я депо прославил.

Я о нем писал в «Гудок»
И в свою «Индустриалку»,
Был я пишущий дружок,
Расставаться со мной жалко.

Но что поделаться... Есть закон,
Какой на «дембель» провожает.
У вас шестерочка с нулем?
Вот всех таких он выбирает.

Вот он выбрал и меня -
Меня на «дембель» проводили.
Я загорелся без огня,
Посколь меня-таки любили.

Я славил деповской народ,
Какой всегда умел трудиться,
И даже в сорок первый год
Он постарался отличиться.

Он паровозы ладил в срок,
Что на фронте побывали,
Деповчанам был урок -
Они тоже воевали.

От них дымилки уходили
На Днепр, на Курскую дугу
И там по-своему служили,
В зной и в зимнюю пургу.

Они возили все, что надо,
Под огнем и под бомбежку,
Их не всегда ждала отрада,
Бомбы делали шарошку.

Взрывали путь, людей, вагоны,
Взрывали сами паровозы,
Но люди шли на перегоны
От фашистственной угрозы.

Живые хоронили мертвых,
Вагоны тут же догорали,
И в паровозах были жертвы,
Их тоже на землю снимали.

И так же молча хоронили,
Без торжества и без речей,
Паровозы для них были
Свет души и их очей...

Вот такие были годы,
Что принесла тогда война,
Она нарушила погоду,
Какая красочной была
Стране и жителям в угоду.

Союз растил хлеба и травы,
Большие строил города,
Был Союз в народной славе
И не думал никогда,

Чтоб грозить войной кому-то,
Зариться на чужой свет.
Союз жил своей минутой,
Свой имел авторитет.

Чтоб грозить чужим войною,
Чьи-то земли отнимать?
Союз был мирною страной,
В нем дети есть, отцы и мать.

В нем пацанва училась в школе,
В нем строились мосты, каналы,
Колхозник в нем - хозяин поля,
А на границе - генералы.

Попробуй сунься за землю,
Чтоб ее завоевать!
Генералы так собою
Станут землю защищать.

Но враг войной пошел внезапно,
И части мирные сломал,
Но и свои силы поэтапно
От пограничников терял.

Брест бил фашистское отродье,
Даже часто в одиночку,
Бил и в спину, и по морде,
В день-деньской и даже в ночь.

Но внезапность роль сыграла:
Брест, сражаясь, все же пал,
Страна врага еще не знала,
Но враг, куда пришел, узнал.

Узнал на Сталинградской битве,
Познал и Курскую дугу,
У стен Рейхстага, точно бритвой,
Побрили голову врагу.

Ну, а там пришла Победа,
К нам с солдатами пришла,
На той войне я, правда, не был,
Победа все ж меня нашла.

Нашла, когда учился в школе,
В класс второй уже ходил,
Помогал мамане в поле,
Ей косу в руки подносил.

Ну, а там бежали годы,
Росли брат, сестра и я,
Я потерял свою свободу -
В плен взяла моя семья.

У меня женка появилась,
А там сынишка появился,
Она тому не удивилась,
А я, по правде, удивился.

Ну, погулять бы год-другой,
Как-то для себя пожить...
Я был готов ей быть слугой,
Чтоб нам свободой дорожить.

А тут и года не промчалось,
Как пришел конец свободе,
Сынишке время отдавалось,
Как отдается жизнь природе.

Теперь нам с женкой по восьмерке,
А сыну скоро шестьдесят,
У нас по жизни своя мерка,
Нас годы наши не страшат.

Мы только меж собой гадаем:
Кто вперед, она иль я?
Я сказал, что я желаю,
Чтоб то случилось у меня.

Жить одному мужчине трудно,
Они и не заживаются,
Им просто горестно и нудно,
И оттого спиваются.

А кто далек от выпивона,
Себя просто бережет,
Жизнь без женского прогона
Черпахою ползет.

У женщин же другие краски,
В ней больше жизни и огня,
К ней люди проявляют ласку,
Не то, что будет у меня.

Уйдет жена на посиделки
К своим старухам во дворе,
Где в праздник раздаются спевки,
Они по нраву детворе.

Прохожий тоже шаг замедлит,
У песни есть своя душа,
Он отчего-то себе верит,
Что жизнь все же хороша.

Ходи, живи, дыши свободой,
Радуй встречных и семью,
Шел ты кочками и бродом
И выбрал в жизни колею.

Она не устлана цветами,
На ней наката тоже нет,
Но она выстлана плодами,
Какие выдает поэт.

А пока мы с женкой вместе,
Пока мы с Гульчатай вдвоем,
Жених мы с нею и невеста,
По жизни мы давно идем.

Шесть десятков с ней мы вместе,
А там пусть ведает судьба:
Жизнь продлится или треснет,
Затишье будет иль борьба?

Ну, а поэт, вы точно знали,
Был старик из Агадыря,
Вы какого не читали,
Но годы вас благодарят.

За то, что вы поэта как-то знали
Как старого работника депо,
Ну, а коль его вы не читали,
Тут виноват лишь дед Пихто.

Важно, что мы с вами хоть как-то да общались,
И вы, наверно, поняли, что я есть поэт,
Хотя ко мне ни разу вы не обращались,
Обиды на читателя не было и нет.

4-5.11.2017 г.

ЛЕБЕДИНАЯ ВЕРНОСТЬ

О лебединой верности знали еще в древности,
Знал то Аристотель, знал то и Плутарх,
У лебединой верности есть своя секретность,
О которой знает разве что Аллах.

Лебеди всегда бывают только в паре,
Они верны друг другу до последних дней,
Эта верность им любовь птичью дарит,
Они всю жизнь вместе остаются с ней.

А коль придет беда и лебедиха гибнет,
Лебедь на свободе один не остается,
Он взмывает в небо, складывает крылья
И комком бескрылым к людской земле несется.

И комком бескрылым о землю ударяется,
Какая смерть безвинную безвинно принимает,
Верность лебединая любовью называется,
Какую человечество часто отвергает.

А нет бы человечеству верность лебединую
В своем сердце до конца дней своих нести,
Тогда бы сердца пели песни соловьиные,
И люди попытались бы всегда вдвоем идти.

Вот мы с моею женкою шесть десятков вместе,
Конечно же, нелегких, но счастливых лет,
Звали нас когда-то жених и невеста,
Она была учетчицей, а я - простой поэт.

Хотя нам шибануло тогда по девятнадцать,
Но любовь тогдашняя на годы не глядела,
Я не хотел каким-то оборвышем казаться,
Свадьба так по-своему, по-сельскому звенела.

Были тут и пляски, и бабкины запевы,
Был тут и напутственный серьезный разговор,
А в целом веселились молодежь и девы,
Так что разудалым был свадебный наш двор.

С той поры мы с Гульчатай и дня не расстаемся,
Если в отпуск, то гадаем, чтоб уйти вдвоем,
А на «дембеле» и вовсе друг подле друга тремся,
Что просто означает - дружно мы живем.

Неведомо, какие птицы нам в том помогают,
Нам никакие лебеди и даром не нужны,
О лебединой верности поэты пусть слагают,
А нам с моею женкой друг другу мы важны.

6.11.2017 г.

Ну, кто я есть? Скажите откровенно:
Простой старик, простой пенсионер,
Какой сидит с котенком на коленях
И тычет ему в ухо газетный револьвер.

Кот что-то для себя и для меня мурлычет,
Ему стихи читаю, он ухом не ведет,
Мордочку свою в мое колено тычет,
А то и вовсе в угол свой идет.

А там чего? Его постель крутая,
Плошка для кошачьего обеда,
Песочница по виду небольшая,
Забота больше для любого деда.

Это мир живого кошачьего жилья,
За что котяра мурлычет мне сонеты.
Если приглядеться, ну что такое я,
Неужто остаюсь в своем селе поэтом?

Какой же я поэт, когда я знать не знаю
Ни одного второго в мире языка?
По-русски говорю, по-русски сочиняю,
По-русски устремляюсь в синь и в облака.

А ведь Пушкин знал русский и французский,
Лермонтов и вовсе знал эти языки,
Президенты СНГ знают свой и русский,
Потому они народу и стране близки.

9.11.2017 г.

Сегодня моей внучке ровно тридцать три,
Конечно, отошла девичья свет-фактура,
У ней другие действия снаружи и внутри,
А в душе и вовсе новая культура.

Нынче молодежь не хочет книг читать,
Она живет сегодня в себе и в Интернете,
Она не хочет даже думать и мечтать,
Интернет ей стал излюбленной планетой.

Она видит в Интернете белый свет, себя,
С ними говорит, общается, влюбляется,
Какие-то вопросы по жизни тербят,
А каких по сути вовсе не касаются.

У внучки у моей две дочери растут,
Одной только десять, другая в садик ходит,
Внучка додондолила заочный институт
И в своей работе счастье находит.

А счастье великое - то дочери ее,
Какие не дают мамуле прохлаждаться,
У детей свое особое житье,
Приходится какому не только удивляться.

Дети кошке завязали расшикарный бант,
А на хвост ей ложку большую прикрепили,
Кошка у них стала настоящий франт,
Ее таким вот способом по комнате водили.

По комнате бы ладно, но им интересно,
Как такой товарищ себя поведет,
Когда станет во дворе и их друзьям известно -
Вот интересный будет поворот!

Внучке о ее кошке люди рассказали,
Внучка же была в своем живом полете.
Банты на котяре совместно развязывали,
А детям лишь сказала: «Когда вы подрастете?»

9.11.2017 г.

И ВНОВЬ О СЕБЕ

Взглянул на фотографию -
Старый мой портрет,
Была у ней биография
И свой авторитет.

Волосы кудряшками -
Вылитый Есенин,
С галстуком рубашка,
С усами - точный Ленин.

Что я тогда кумекал,
В какую синь ходил?
Был в греческом я веке,
КазГУшный курс зубрил.

Знать надо Алкивиада,
Греческий весь мир,
Книги брал для вида,
Плутарх был мой кумир.

КазГУшная заочка
Ушла, я - журналист,
Но жизнь не ставит точку:
Ты - бывший тракторист.

В годы ты целинные
Близ Акмолы пахал,
Короткие и длинные
Ты пашни поднимал.

Занимался севом,
Хлеб рос и созревал,
Пласт целинный смело
Его стране давал.

А после с целиной
Ты попросту расстался
И на свою «железку»
Ей служить подался.

Железная дорога
Твоей судьбою стала,
Она тебя в Агадыре
До «дембеля» достала.

Сорок лет ты ей служил
Преданно и смело,
Ей ты голову вскружил,
Что ей и надоело.

Она рабочие года
В трубочку скрутила
И, как велось в стране тогда,
На «дембель» проводила.

На «дембельской» ты стежке,
С тобой такой же люд,
На «дембельской» дорожке
Тебе он близок, люб.

При встрече вы горите,
Вспоминая МПС,
Какой сказал: живите,
Я вас по жизни нес!

По просторам Казахстана,
Где «железка» пролегла,
Где поселки вырастали,
Росли дети и дела.

Я вник в железную дорогу,
Любил пустынные края,
Я не признал забот, тревоги,
Они не знали и меня.

Друзья подались в поднебесье,
В городишки, города,
Мне же выпало безлесье,
Чего не знал я никогда.

Подался я в приволье -
Богат им Казахстан,
Я по доброй воле
Дружить с «железкой» стал.

С «железкой» люди жили,
Она им хлеб давала,
Все дружбой дорожили,
Она на подвиг звала.

Звала на соревнование,
Премии давала,
Но я еще к тому же
Налег на образование.

Кончилось учение,
Кончилась работа,
Начались мучения,
О «дембеле» заботы.

Куда восьмидесятилетнему
С ними подаваться?
Хозяйства никакого,
Дров пилить не надо...
Женка, правда, просит
В магазин податься
И купить ей что-то
Вроде шоколада.

Соседка обещала
Напроситься в гости,
Хотелось бы ее
Хоть чем-то удивить.
Подумает, что мы
Обгладываем кости,
Поскольку не умеем
Для себя пожить.

Конечно, в магазине
Я что-то выбираю,
На дешевку всякую
Даже не гляжу,
Женкины заказы
В записке я читаю,
А потом автобусом
Домой их привожу.

А потом, конечно,
У меня прогулка,
Четыре километра
Для старика как раз.
На степном просторе
Тишина и гулко,
А степь так бесконечна,
Хоть выколи ей глаз.

Я привык ходить
Степными ковылями,
Ветер синь колышет
И степной простор,
Я бреду спокойно,
Просто ковыляю
И веду со степью
Свой вечный разговор.

Ну почему она
В красе и не стареет,
Ей любовь Абая
Силы придает?
Она своей красою,
Своим простором греет
И жизнь дает любому,
Кто на нее шагнет.

А дома я со степью
Говорю стихами,
Ей, видать, утрами,
Как и мне, не спится.
Я так просыпаюсь
Вместе с петухами
И молча заполняю
Стихотворные страницы.

С зарею ж я встаю,
Иду навстречу солнцу,
В степи так умываюсь
Зарею и росой.
Меня, может, кто-то
Усек в свое оконце,
Что я иду в поселок
По траве босой.

Думают, наверно,
Что старик скопытился
Или вообще отдает концы,
Своею писаниною
Наконец насытился:
Мол, пусть читает время,
Враги и мудрецы.

Не ведаю, что думают
Жители поселка
Лично обо мне
И о моих стихах,
Лично как-то слышал
Что одна тетка-телка
Вслух сказала людям,
Что я, как есть, в долгах.

Мол, государство тратится
На его все книги,
А он знать не знает,
Как выглядит тенге,
Он себе подносит
Скрученную фигу,
Это все, что может
Он пожелать себе.

Не ведаю, откуда
Обо мне познания,
О моих книжонках,
Каких аж восемь штук,
Книги издает
Известное издание,
Оно в Караганде
Советник мой и друг.

Вот как раз с издательством
У нас большая дружба,
Насчет долгов издательству
Людская ложь и сказки.
В издательстве своя
Издательская служба,
У нас дружба с нею
Обходится без смазки.

Нет у нас с нею
Никакого трения,
Я пишу романы,
Издатель - издает,
У меня к издательству
Хорошее доверие,
Какое ко мне тоже
Уверенно идет.

Молва людская часто
Нас с пути сбивает
И где-то даже жить
Спокойно не дает,
Бывает, даже грязью
Где-то обливает,
Где-то в себе зависть,
А то и зло несет.

Таких людей, возможно,
Наш новый век исправит,
Исправит наше время,
Наш новый человек,
Старые повадки
Век от людей отвадит,
Поскольку это будет
Прогрессивный век.

Этот век нам сделает
Бесплатное лечение,
Мужик на свой заслуженный
Уйдет лишь в шестьдесят,
Век сделает бесплатным,
Как было, обучение,
А женщины на «дембель»
Уйдут в полсотни пять.

Так было много лет
При большом Союзе,
В России «дембельский» заскок
Таким же и остался.
В век же СНГэвский
Мы в новой, топкой лузе,
Век СНГ со старыми
Привычками расстался.

«Дембельский» закон
Для мужчин стал строгим:
Шестьдесят да с тройкой -
Таков его предел.
Женщину толкают
К такому же порогу,
Несладок ожидается
Для женщины удел.

Закон не признает,
Что женщина с ребенком,
Что ей даже с внуками
Надлежит крутиться.
Шестьдесят для женщины -
Это же пороки,
Нам надо у россиян
«Дембелю» учиться.

А на «дембель» меня все же
Тихо проводили,
В руках моих и в коже
Появились силы.

Куда пенсионеру
С ними приобщиться?
В доме ни хозяйства,
Ни курки, ни кота.
С бутылкой не пытался
Как-то подружиться -
Меня захлестнула
Писательства черта.

Она меня и нынче
Никак не отпускает,
Ей я подчинялся
Прежде и теперь.
Она меня писать
Насильно заставляет,
Я в этой писанине
То Лермонтов, то зверь.

Лермонтов давал
Живые мадригалы,
А зверь их разрывал
На мелкие клочки.
Стараюсь я примазаться
К лермонтовским баллам
И его освоить
Стихотворные очки.

В плане этом у меня
Что-то получилось,

Я свои куплеты
Вам лично выдаю.
Может, что-то светлое
В них и засветилось,
И вы, видать, поймете
К вам любовь мою.

12.11.2017 г.

РАЗДУМЬЯ О ЖИЗНИ

Интернет принес печальное известие:
Скончался юморист Михаил Задорнов,
Он был как актер и писатель интересен,
Он шел по жизни четко, красиво и проворно.

Причину смерти Интернет тут же сообщил -
Это был все тот же неизлечимый рак,
Задорнов свою Родину и свой народ любил,
Уходить от них навечно он не хотел никак.

Задорнов о себе прощальный след оставил,
Он по Интернету правду говорил,
Говорил, как он страну свою своей любовью славил,
Он для нее родился, для нее он жил.

Задорнову исполнилось всего-то семь десятков,
Ах, как же, жизнь, к талантам ты несправедлива!
На таланты дожить ты смертельные накладки,
Страна людей теряет известных и красивых,

Смотрю на свою жизнь со стороны и я,
Только мне уж стукнула целая восьмерка,

У меня большая и дружная семья,
Но где моя последняя будет в мире мерка?

Поверьте, не хочу я разделить судьбу
Задорнова, Марьянова, Рязанова Эльдара,
Со смертью вести буду я нещадную борьбу,
Отдаваться в лапы ей без борьбы не надо.

Посмертного письма я оставлять не стану,
Поскольку о себе мне нечего сказать,
А вот стихотворные вещи я оставлю,
Может, кто-то будет их после меня читать.

При жизни мои книги агадырцы не читают,
Просто они их никак не интересуют,
Они в библиотеке лишь место занимают,
И никаким кондом их не интересуется.

Как бы наша жизнь мирно ни катилась
И как бы для кого-то она ни обрывалась,
Желаю, чтобы жизнь моя со мною обручилась,
А смерть небесным звездам в космосе досталась.

Как бы жизнь нас ни била, ни крутила,
Человек обязан лет до ста прожить,
А потому он должен беречь свои силы,
Своею жизнью должен при жизни дорожить.

А потому ему необходимо бросить
Курево и часто бросать за воротник,
Жизнь за такое с тебя никак не спросит,
А будет приглашать на жизненный пикник.

А потом зарядкой утрами занимайся
И, конечно, делай всякие хождения,

Хочешь, так утрами рососою умывайся
И больше налегай на всякие движения.

Если ты пенсионер, то ходи утрами
Километра по три, можно и по пять,
Согреть себя возможно движеньем и кострами,
Какие ты в степном краю можешь зажигать.

Ну а если ты заядлый горожанин,
То все равно топчи родные тротуары,
Будь ты простой рабочий или даже барин,
Все равно движение сделай своей парой.

Движение и я - пара неразлучная,
Мы друг друга все равно как-то дополняем,
Жизнь друг без друга кажется нам скучной,
Потому в степном краю часто мы гуляем.

Как-никак, а восьмидесятник я уж нагулял,
Болезни не цепляются ни зимой, ни летом,
Вот как раз об этом я уже писал,
Поскольку я на «дембеле» как раз и стал поэтом.

В прежние года, когда я жил, работал,
Творческая жизнь меня не доставала,
Конечно, тогда были рабочие заботы,
Жизнь моя Есенина и Пушкина не знала.

А «дембельские» годы меня в рог согнули
И на меня Пушкина с Есениным наслали.
Не ведаю, зачем они столько лет тянули,
Выуживая из меня творчества детали?

Творческой закваске я не сопротивляюсь,
Рожаю периодику, рожаю и стихи,

Бывает, что и крупной писаниной маюсь,
Хотя читатель остается к ним незрячим и глухим.

Он, может быть, Есенина, Сейфулина читает,
А местные поэты им даром не нужны.
Они по Интернету по-своему витают,
Прочие таланты ему, как мышь, важны.

Как бы белый свет со мною ни крутился,
Я все равно романы и стихи рожаю,
Ими пред читателем я не засветился,
Хотя того ж читателя в стихах отображаю.

Говорят, что Солженицына никак не признавали
И даже его выслали из СССР,
Что на него вешали и в чем обвиняли,
Только вне Союза он стал нью-йоркский сэр.

Меня мир агадырский тоже не читает
И понятия не имеет, кто я в жизни есть,
При встрече кто-то руку просто пожимает
И не предложит где-то рядышком присесть,

Чтоб поговорить о «дембельских» заботах,
Вообще о нашем житье и бытие,
О бывалой нашей доблестной работе,
Какая жива в сердце, но в полной темноте.

Нынче пенсионерам есть на чем споткнуться,
Хотя бы целину с Хрущевым воскресить,
В целину я тоже успел окунуться
И на ней два года трактористом быть.

На «дембеле» целинные годы вспоминаю,
Как есть, они свершили подобье революции,

Она жила, крепилась в казахстанском крае,
Имела необъятные просторы и границы.

Хлеба было столько - его не вмещали
Элеваторов большие склады и закрома,
Как с этим хлебом власти поступали,
Нам теперь не следует прикладывать ума.

Не следует гадать нам, как СССР распался,
Просто с мировой арены испарился,
Народ его не спорил, с оружием не дрался,
Без государства Ленина все же очутился.

Большого СССР теперь на свете нету,
Он сто миллионов жителей взял и потерял,
СССР, как говорят, рассмешил планету,
Мир такого новшества никак не ожидал.

Но пусть над этим делом история колдует,
Ей вообще приходится во многом разбираться.
Что с эти СССРом в этом веке будет,
Возродится он когда-нибудь в систему государства?

Будут у него когда-нибудь Ленины да Сталины
И будет ли единым его большой народ?
Мы своих вождей забывать уж стали,
Какие прежде звали свой народ вперед.

Телевиденье так в мир весть свою бросает:
Ленина из Мавзолея намерены убрать,
Неведомо, откуда в инфосредствах знают
Что Ленина намерены Америке продать.

Пошутить мы, правда, издавна умели,
Но ведь надо где-то и меру свою знать,

Шуткой может стать лодырь, но не Ленин,
Надо видеть, где язык свой можно развязать.

Думается, власти России не позволят
Подобный вандализм в России допустить,
Ленина любили, видать, и нынче любят,
Ленин жил в России и будет вечно жить.

Как жили и живут в памяти народной
Тысячелетья целые земные фараоны,
Они в Египте жили с народом и с природой,
За них на бой ходили, им делали поклоны.

Россия поклоняться Ленину и теперь должна,
Все-таки он был великий русский человек,
На Украине его сносят - то не его вина,
То виновен новый украинский век.

История когда-то с Украиной разберется,
Возможно, в ней проснутся Хмельницкий и Ковпак,
Какой поставит в угол, кому никак неймется,
Кто не поймет историю народную никак.

Пощутить мы, правда, издавна умели,
Но ведь надо где-то и причину знать,
Шуткой может стать любой процесс, только ведь не Ленин,
Надо знать, где можно язык свой развязать.

Думаю, он что-то с Порошенко спросит,
Спросит за сожженных заживо в Одессе,
Неведомо, какой упрек Ковпак народу бросит,
О заживо сожженных говорилось в процессе.

Значит, это не было шуточной игрушкой,
По прессе, так спалили сорок человек,

Майдан терзал живых людей пулями и пушкой,
Потому как народился новый украинский век.

Словом, с Украиной пусть мается история,
Важно, Украина жива и будет жить,
Она своей и метра не уступит территории,
Она готова с каждым общаться и дружить.

Мне женка говорит: «Кончай, друг, со стихами,
Они, как мне сдается, тебе уж надоели,
Ради них ты просыпаешься вместе с петухами
И встаешь с нагретой тобой и мной постели».

Да, оно и правда, пора и впрямь завязывать,
Все-таки мне стукнуло восемьдесят лет,
Не хочу читателя меня читать обязывать,
Хотя я хоть и слабенький, но все-таки поэт.

А поэту, говорят, природою намечено
Быть всегда с народом и прославлять его,
У поэта не должно быть просто делать нечего,
Поэзия есть свет его - его лишь одного.

Этим светом, как-никак, я и теперь живу
И, как прежде, кланяюсь народу Казахстана,
Какой дает мне силы и что я на плаву,
Плыву, куда моей стране и народу надо.

12-15.11.2017 г.

САРЫАРКИНСКИЕ МЕЧТАНИЯ

Опять Сейфуллина я читаю строки,
Сто лет назад поэт влюблялся и любил,
Тот век от нас теперь такой далекий,
Но строки он поэта потомкам сохранил:

«Грудь, как пена волн, пышна была,
Плечи, как у лебедя крыла.
О, сарыаркинская богиня!
Я хочу, чтоб ты опять пришла».

Моя женка тоже сарыаркинской масти,
Такая же богиня с крылами лебедей,
Она в моей жизни приняла участие,
Была со мною в радостях и в жизненной беде.

Оттого, быть может, мы женкой моей вместе
Целых шесть десятков агадырских лет,
Мы вместе топим печку, даже месим тесто,
До пенсии имели мы большой авторитет.

С женкой нас связала железная дорога,
Которой мы по сорок лет чистенько отдали,
Были в нашей жизни радость и тревоги,
Нам как-то даже дали по одной медали.

Она называлась «Ветеран труда»,
В депо и правда мы являлись ветеранами,
Депо мы своему не изменяли никогда,
Вместе с ним по жизни шли неразлучной парой.

Мне так стукнула восьмерка, да с большим нулем,
Женке моей тоже столько ж накатило,
Шесть десятков годиков мы с женкою живем,
И, слава Богу, в нас еще порох есть и силы.

Женка так мастак ходить по магазинам,
Берет не что попало, а изысканный товар,
Я так лишь за нею ношу ее корзину
С задумкой занять бы какой-нибудь навар.

Такого у меня ни разу не случилось,
Семейным всем богатством владеет Гульчатай,
Женка Гульчатай так грамоте училась
И не говорит мне: возьми да посчитай!

В семейную арифметику никак я не влезаю,
Прежнюю зарплату ей исправно приносил,
А все как на свою жену надежду возлагаю -
В город перебраться и там набраться сил.

Но женка мне сказала: «Мы Агадырь не бросим!»
Ей близка и ныне ее Сарыарка,
Она углем богата и хлебными колосьями,
Хотя жизнь сарыаркинцев вовсе не легка.

К тому же она здесь родилась когда-то,
Когда отец «железку» строил «Караганда - Балхаш»,
Ей в Агадыре просто жить приятно,
Агадырь для нас с тобой стал просто наш и наш.

Однако у сарыаркинцев трудностей немало,
Они стране и людям уголь выдают,
Соседний Темиртау выдает металлы,
Трудовую вахту они везде несут.

И мы с женкой тоже трудились на «железке»,
Все в том же незабвенном для нас Агадыре,
Работу мы любили душой, не по повестке,
Хотя нам говорили, что мы живем в дыре.

Приезжие нам прямо так и говорили:
Кто не видел хуже дыр, пусть едет в Агадырь!
Но мы с моей женкой Агадырь любили,
Он был наша крепость и наш поводырь.

Какою бы дырой Агадырь ни звался,
Только этой мы дыре не изменим никогда,
Двадцать лет на «дембеле» я с женкой оказался,
Нашей с женкой Сарыарке мы верны всегда.

Мы с ней верны Агадырю и Караганде,
Они стали жизнью, наверно, и судьбой,
Краев роднее их не знали мы нигде,
Довольны мы Сарыаркой, довольны и собой.

Сейфуллин Сарыарку, как девушку, любил,
Она была богиня, его судьбой была,
Народ слова поэта поныне сохранил,
Сарыарка поэту и многим жизнь дала.

15-16.11.2017 г.

НОЯБРЬСКИЕ ЗАВИХРЕНИЯ

Вот сегодня завяжу со всякими стихами,
Они, хоть ты разбейся, спать мне не дают,
Не стану просыпаться, как было, с петухами,
Какие со стихами меня с собой зовут.

Гляжу в окно осеннее: снег еще не выпал,
Небо голубеет и встает заря,
А в вечер он, кажется, потихоньку сыпал,
Но не лег на землю, и говорят, что зря.

Надоели людям дождливые росинки,
Солнце вечно прячется в темных облаках,
Ноябрь уже перешагнул свою половинку
И остался, кажется, не при своих делах.

Раньше, говорят, дружил он с золотистым солнцем,
Дети так и вовсе без курточек ходили,
Утрами он заглядывал в каждое оконце,
А тучи так и вовсе солнце обходили.

Нынешний ноябрь семнадцатого года,
Видно, посерьезнел и на год постарел,
Людам он не хочет делать свет-погоду,
Поскольку у них много мирских и личных дел.

Сегодня аж двадцатый наступил ноябрь,
Утром свет в окошке, а на дворе зима.
Что ж, оно и правильно - движется декабрь,
А на декабрь просится зима судьбой сама.

17-20.11.2017 г.

СТИХОТВОРНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Сегодня непременно я поставлю точку
На свои лихие горе-завихрения,
Какие занимали вечера и ночи
И как-то восхищали забытые забвения.

Детство так и вовсе почти не вспоминается,
А оно в стихах меня часто доставало,
Черкнул о том, что в памяти осталось,
Но его по виду было слишком мало.

Помню, пятилетним сидел на коленях
У своего тогдашнего любимого отца,
Какой меня отсаживал и крутился в сених,
Рубил для нашей печи сухие деревца.

Матушка хватала нарубленные щепки,
От каких печурка по-своему гудела,
Отец затем натягивал свою чудо-кепку
И шел, где шли учения воинского дела.

Хотя я был в семействе только пятилеток,
Но слышал, как встревоженно мама говорила:
«Отец, видать, ты скоро оставишь мне трех деток,
Посколь война у Бреста и у Москвы бродила».

Не знал я, где такие города ютились
И что представляла собой в миру война,
Видел, что в ауле военные крутились
И увозили мужиков... Какая их вина?

«Нет, сынок, вины у них сроду не бывало,
Это просто их человеческий долг -
Защищать страну от гитлерских вандалов.
Скоро и отец твой выйдет за порог

И покинет нас, как и эти люди,
Какие ушли Родину от немцев защищать,
Они в краях далеких с фашистом драться будут,
Защищая города, отца, детей и мать».

На отца на нашего бронь люди наложили,
Сказали: уберите посевы и хлеба!
А потом их взяли, в машины посадили
И повезли туда, где уж шла борьба.

Боролись наши армии с фашистскими войсками,
Боролся с ними где-то и батяня мой,
Били их впрямую, отдельно, косяками,
Наш солдат повсюду был истинный герой.

А вот я себя героем не считаю,
Герой, когда я со стихами возьму да завяжу,
Я их даже нынче ночами сочиняю
И с ними по редакциям в Караганде брожу.

Как бы меня жизнь ни мяла, ни крутила,
На стихах своих я поставил точку,
Я нашел в себе желания и силы,
Чтоб стихом не портить дни свои и ночи.

И чтобы не мешать моей дорогой жене
Клацаньем своей пишущей машинки,
Какую она видит даже и во сне
И думает: будут ли по ней когда-нибудь поминки?

Машинка и стихи ей просто надоели,
Они ей отдохновенья и покоя не дают,
От клацанья ее ей холодно в постели,
Она хочет, чтоб машинке пришел быстрее капут.

А он не идет - машинка СССРская,
Поскольку ее сделала еще сама Москва,
Ну, а то, что сделано во времена советские,
Жить будет бесконечно, как и сама страна.

Жаль, что СССР взял да развалился,
Но Москва, как прежде, временем живет.
СНГ какой-то взял да родился,
Но мир никак не ведает, в какой он свет пойдет.

В общем, все в природе жаксы получается:
Есть Москва любезная, есть и Казахстан,
Казахстан со всеми на земле общается,
Может, и на зависть каких-то других стран.

Ну, себя и правда героем я считаю,
Поскольку со стихами взял да завязал,
Все стихи ночами я не сочиняю,
И не хожу я с ними, как было, на вокзал.

23-24.11.2017 г.

МЫСЛИ О СНГ

Вот смотрит мне нетленный на СНГ тягучий,
Который заменил великий СССР,
Был он полнокровный, великий и могучий,
А СНГ не более как тихий пионер.

У себя он крутится - он сам себе хозяин,
Хозяин своей жизни и своей страны,
Он начал вылезать из повсеместной грязи,
Ему свои законы лишь себе важны.

Были ж времена, что Москва все диктовала,
Теперь у всех республик свои живы законы,
Сталина эпоха многих доставала
И всюду пред невинными ставила препоны.

Людам нынче нужно больше государство
Единое, великое, как бывший СССР,
Который занимал единое пространство
И своему единству подавал пример.

Теперь единство бывших взяло да развалилось,
У всех республик СССР свои президенты,
То, что прежде из Кремля и Кремлем крепилось,
Нынче расползается на свои секреты.

Украина шебаршит на своем майдане,
Ей не нужны традиции и сама Москва,
Ее боевики людей своих таранят,
У них точно Гитлера позиция жива.

Люди СНГ так всюду готовят:
Надо породить новый СНГ,
В нем друг другу будут, как было, брат и брат,
По сколько жили все в одной большой стране.

Союз Объединенных Независимых Государств -
Так этот СОНГ спецы расшифровали,
Как он будет видеться из других пространств,
Пока того никто на земле не знает.

Будет ли подобие СССРа возрождаться,
Есть ли у СНГэвцев на СОНГ желание?
Кто-то так пророчит: надо воздержаться,
Нам было слишком тесно в той былой компании.

Теперь же мы живем, как того желаем,
Дружим с кем нам нравится вообще дружить,
Кто нам не по сердцу, на того мы лаем,
Ну, а кто нам близок - готовы в дружбе жить.

Пока же СНГ лишь трется на бумаге,
Нет у него страны, единой нет столицы,
Нет у него желания, мужества, отваги,
И вряд ли бывший СССР, как было, возродится.

26.11.2017 г.

Автор Николай - Сагентай собственной персоной.

Содержание

О моих завихрениях	3
Ну, давай, дружок, ударим по стопашке	5
Вот блуждаю я по своему поселку	6
О моей Гульчатай	8
О знатном ведущем	11
Трагическая нота	12
Говорила женка: «Нынче день воскресный...»	14
Мысли	15
Есенинские мотивы	16
Читая Есенина	18
Есенин говорил, что он мечтатель	19
И опять с Есениным нежданное свидание	21
О тальянке у поэта много разных строчек	22
Есенин как-то обратился к Шуре	23
И опять Есенин говорит со мною	24
О котах	25
Я что-то вспоминаю из старого житья	28
Отбрасывать копыта нам с женкой не сезон	29
Мне отчего-то вспомнился клен заледенелый	30
Мысли о «Ниве»	32
Любовные мотивы	35
Читаю у Есенина: «Шуру», «Шуре», «Шуре»...	36
К своей тальянке звонкой Есенин обращался	37
Читая Есенина	37
Я прочитал у Есенина строки	39
О есенинской грусти	40
Читаю я поэтов разных	42
Мысли мои, мысли...	43
Быть поэтом, говорил Есенин...	44
Лектор наш столичный и в Агадырь пробился	45
Мы с детства точно помним осенние стихи	45

Сестре	47
И снова сестре	51
И на этот раз сестре	54
Поездные раздумья	58
Обезьяньи радости	61
Творческие раздумья	62
Геометрия чувств	64
Жизнь давала радости	67
Юбилейные завихрения	68
О жизни	71
Деповские думы	74
Поэтические раздумья	78
Гундаревские раздумья	79
Журнальные страдания	80
Мои поэтические вихри и раздумья	83
Поварские мысли	83
Осень нынче свой нор и свое право кажет	85
Осенним днем взглянул в окно - идет народ культурный	86
Это было...	86
Юбилейное	88
«Сердце любит и страдает...»	89
Мои октябрьские затмения	91
Мои юбилейные задвиги	92
Фанфары юбилейные в свете оттремели	98
Читаю у Есенина: «Коломенская грусть»	99
«Бетон высотных зданий вытесняет небо»	101
В Астане не видно подземных переходов	101
Прошмыгнул по Астане вдоль и поперек	102
Хлебобобовские задумки	102
Моя ширь, мои просторы	103
Я почему-то больно смерти принимаю	105
О былом	106
О корове	108
Думы о жизни	110
Сегодня население нашей трехэтажки	114

Что было, что есть...	115
Почти по Некрасову	117
Ну почему меня обходят есенинские песни	120
29 октября Интернет заметил	121
Поверьте, со стихами не могу расстаться	122
Два имени	122
Улица моя, дома мои	124
О моих завихрениях	125
Телевиденье, бывает, темы поднимает	128
После Даны телек наш на Джигурду набросился	129
Есенинские мысли	130
Поэтические раздумья	132
Лебединая верность	140
Ну, кто я есть? Скажите откровенно	141
Сегодня моей внучке ровно тридцать три	142
И вновь о себе	144
А на «дембель» меня все же...	152
Раздумья о жизни	153
Сарыаркинские мечтания	160
Ноябрьские завихрения	162
Стихотворное затмение	163
Мысли о СНГ	166

**Читаю эти строки — чем-то они дышат,
Дышат прошлой жизнью, а то и новизной.
Жизнь меня и нынче робко, но колышет,
Неуж она промчалась памятью сквозной?**

